

A romantic couple is shown in a close embrace. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a dark shirt. The woman, on the right, has long, wavy blonde hair and is wearing a dark, textured jacket. They are standing in front of a chain-link fence, with a city skyline visible in the background under a warm, orange-hued sunset sky. The overall mood is intimate and romantic.

ВМЕСТЕ ВОПРЕКИ

ЭЛИНА
ВИТИНА

Элина Витина

Вместе вопреки

«Элина Витина»

2022

Витина Э.

Вместе вопреки / Э. Витина — «Элина Витина», 2022

— Разумеется я знал, — с насмешкой произносит он. — Алиса, когда ты уже поймешь, что мне наплевать? Мне было наплевать шесть лет назад и мне наплевать сейчас. Его слова не сразу оседают в моем сознании, но когда до меня все-таки доходит их смысл, я чувствую, что теряю связь с реальностью. Он знал о нашем сыне. Все эти годы, что я боялась, что он узнает, Марат, оказывается, был в курсе. И ему было наплевать. Восемь лет назад я была счастлива с ним. Семь лет назад он превратил мою жизнь в ад. Шесть лет назад он даже не стал меня слушать, когда я пришла рассказать ему о том, что жду его ребенка. Я была уверена, что больше никогда не увижу его. Но, видимо, судьба распорядилась иначе.

© Витина Э., 2022

© Элина Витина, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	21
Глава 8	23
Глава 9	26
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	45
Глава 16	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Элина Витина

Вместе вопреки

Глава 1

Чувствую на себе два десятка глаз, кожей ощущаю их липкую панику, слышу перешептывания, будто эти серьезные дяди вдруг разом превратились в нерадивых школьников и уточняют у соседа по парте правильно ли они услышали учительницу.

Я бы солгала, если бы сказала, что чувство полной власти над ними не приносит мне удовольствия. Полгода, что я провела в управленческом кресле, они относились ко мне как к безмозглой барби, которая даже универ не смогла окончить.

И вот теперь я самодовольно обвожу взглядом их перепуганные лица и специально дольше задерживаюсь на Владимире Ковальском – генеральном директоре компании моего отца. Именно он все это время командовал парадом, несмотря на то, что официально главной была я. Ну как официально... почти. На самом деле, только сегодня я законно вступила в наследство и впервые за полгода сама созвала совет директоров.

Вот только в его глазах, в отличие от коллег, паника отсутствует. Он смеряет меня очередным снисходительным взглядом и на выдохе с усмешкой произносит:

– Алиса Михайловна, если бы вы закончили университет, ну или хотя бы потрудились прочитать устав принадлежащей вам компании, вы бы были в курсе, что все важные решения принимаются только путем голосования совета директоров. А решение “закрыть компанию к чертовой матери” является, безусловно важным.

Чувствую как кровь отливает от лица и сердце начинает отплясывать безумную чечетку. “Черт, черт, черт! Как я могла так просчитаться?? Все эти шесть месяцев я жила только одной мыслью, что скоро уничтожу любимое детище отца. На каждой планерке, на каждом совещании я терпела насмешливые взгляды Ковальского и его свиты и мысленно представляла его выражение лица, когда объявлю о том, что хочу закрыть компанию. Не продать, не подписать “слияние” с конкурентами, а просто закрыть. Стереть с лица земли, чтобы через несколько лет никто и не вспомнил о великой империи Михаила Крейтора.

Ковальский снова усмехается и окидывает снисходительным взглядом своих коллег, которые, кажется, все это время не дышали и сейчас дружным хором выдыхают и преданно смотрят на него как на спасителя.

– Я сегодня подписала бумаги, по которым являюсь полноправной владелицей “МиКрейта”, – упрямо повторяю я, хотя умом понимаю – я проиграла. Ковальский бы не стал так самодовольно лыбиться, если бы был хоть какой-то шанс, что я могу уничтожить компанию.

– Все верно, – кивает мужчина. – Но вашему отцу принадлежали всего 50 % акций.

Остальные, можно сказать, поделены между присутствующими здесь членами совета директоров.

– Можно сказать? – неуверенно уточняю, цепляясь за странную формулировку. Я заранее готова к насмешкам со стороны этих напыщенных индюков, но тем не менее задаю вопрос.

Да, я не закончила университет, бросила в конце четвертого курса и ни разу об этом не пожалела. Положа руку на сердце, с моей тягой к учебе, наличие диплома вряд ли бы что-то изменило. Юриспруденция меня никогда не интересовала и я поступила на юрфак лишь потому что на этом настоял отец.

– 45 % акций принадлежат совету директоров, еще 5 % поделены между мелкими акционерами. Без возможности продажи, – он моментально тушит едва успевшую зародиться надежду. – Любая продажа акций тоже происходит только после голосования. И как вы можете догадаться, шансы на то, что кто-то из акционеров поддержит вашу бредовую идею закрыть компанию, которая приносит им неплохой доход, весьма малы. Я бы даже сказал, ничтожны.

Мне хочется просто исчезнуть. По-детски спрятаться за родителем, чтобы он загородил собой от этих липких взглядов и насмешек. Вот только родителей у меня нет. Отца не стало полгода назад, а мамы... маму он убил, когда мне едва исполнилось пять.

Не в силах больше находиться в душном конференц-зале, я выбегаю, наплевав на то, что обо мне подумают эти высокомерные члены совета директоров.

Звук моих каблучков звонким эхом разносится по коридору и я ловлю на себе любопытные взгляды многочисленных работников. Чертов модный опенспейс, не могли они сидеть в закрытых кабинетах??

Влетаю в приемную Ковальского и напугав ни в чем не повинную ассистентку Евгению, требую:

– Распечатайте мне список всех акционеров компании, пожалуйста.

Девушка растерянно переводит взгляд с меня на закрытую дверь пустующего кабинета своего начальника, будто боится нарушить какой-то негласный запрет. Не думаю, что информация об акционерах является секретной. Уверена, если хорошо порыться в моем собственном компьютере, можно найти все данные. Вот только я не хочу рыться, я даже заходить в собственный кабинет стараюсь как можно реже. Абсолютно все в нем напоминает об отце, а я, как ни странно, всеми силами пытаюсь стереть его и все что с ним связано из своей памяти.

К счастью, здравый смысл девушки побеждает и уже через минуту я нетерпеливо вытаскиваю из принтера распечатку, не дожидаясь пока девушка протянет ее мне.

Список акционеров уместается на одной странице. Сверху идут двенадцать знакомых фамилий, включая мою. Снизу еще десять незнакомых. Кроме одной.

Палец замирает возле черных букв, которые вдруг расплываются и отказываются вновь сливаться в единое целое. Ноги предательски подкашиваются, мне приходится ухватиться за стол Жени, чтобы не рухнуть бездушным кулом прямо посреди приемной.

Марат Скалаев – 0,5 %.

Как там у Набокова? «Кончик языка совершает путь в три шажка вниз по нёбу, чтобы на третьем толкнуться о зубы?» Вот только мой язык не в силах сделать и одного шага, спотыкается сразу как только я пытаюсь произнести это имя.

Марат.

Восемь лет назад я была счастлива с ним.

Семь лет назад он превратил мою жизнь в ад.

Шесть лет назад он даже не стал меня слушать, когда я пришла рассказать ему о том, что жду его ребенка.

Я была уверена, что больше никогда не увижу его. Но, видимо, судьба распорядилась иначе.

Глава 2

Я никогда не была азартным человеком и более того – никогда не понимала как, в принципе, можно ставить на все?! Как люди доходят до того, что проигрывают абсолютно все – деньги, имущество, свою жизнь...

Неужели нельзя остановиться до того, как поставишь на кон то, что не готов потерять?

И тем не менее, вот уже несколько дней я всерьез раздумываю над тем, чтобы отправиться к Скалаеву. Ставки слишком высоки. Слишком. Неужели я готова пойти на это? Рискнуть всем ради мести?

Всю жизнь я жила в страхе. Даже не помню, когда впервые услышала от отца фразу “хочешь закончить как твоя мать?”, но слышала я ее часто. И каждый раз эти слова вызывали панику, которая обволакивала все внутренности, растекаясь зловонной жижей по всему телу. Он убил ее. Возможно, не специально. Но разве это что-то меняет? Поэтому разумеется, я не хотела закончить как она.

Но и быть идеальной дочерью у меня тоже не получалось. У меня была неправильная, слишком кукольная внешность, неправильные, слишком несерьезные увлечения, и вишенкой на торте – неправильный парень, Марат Скалаев, сын криминального авторитета. А чего еще можно ждать от дочери стриптизерши?

Михаил Крейтор – мой дражайший папаша, никогда не планировал заводить семью. Его главным и единственным детищем была “МиКрейт”. Поэтому когда двадцать шесть лет назад на его порог явилась танцовщица из ночного клуба, с которой у него была мимолетная связь, да еще и не одна, а с младенцем на руках, он не особо обрадовался. Но тест ДНК показал, что ребенок действительно его и даже такой сухарь как он, не смог выставить за дверь собственную дочь.

А вот мать сначала выставил. Потом, видимо, понял что даже с наличием круглосуточных нянек, которые почему-то постоянно сбегали от такого босса, быть отцом-одиночкой мало радости и ближе к моим четырем годам, наконец-то разрешил ей присутствовать в моей жизни. Правда, найти общий язык они так и не смогли, поэтому встречи с ней были редкими и зачастую заканчивались скандалами, потому что мама каждый раз умудрялась сделать что-то не так: разрешала съесть слишком много конфет, возвращала меня отцу позже назначенного времени, развлечения выбирала неправильные и все в таком духе. Карина Ланецкая родила меня в двадцать, отцу тогда было сорок три года. Они были из разных миров, разных поколений, поэтому ничего удивительного, что так и не смогли найти общий язык. С моим отцом, в принципе, мало кто мог найти общий язык. Непримируемый, жесткий, авторитарный тиран.

Как там говорят, женщины выбирают себе мужчин, похожих на отца? С таким папочкой у хороших парней просто не было шанса... Так что, ничего удивительного, что в моей жизни появился Марат Скалаев.

Как не удивительно и то, что из моей жизни он исчез. С самого начала было понятно, что нам не светит знаменитое “долго и счастливо”... Он украл мой первый поцелуй, а я разбила его сердце. Справедливым будет сказать, что с моим он тоже не церемонился. Даже сейчас, спустя шесть лет я не могу сказать, что полностью его склеила...

Но я больше не та влюбленная девочка, готовая терпеть любые издевательства ради прощения. Я совершила ошибку, признала вину, раскаялась, черт возьми!! А ему было мало. Он решил превратить мою жизнь в ад. И надо признаться, ему это почти удалось.

Наигравшись, он меня, наконец, отпустил. Сломанную, опустошенную, разбитую... Но на прощание он оставил мне в подарок частичку себя. Правда, сам он об этом так и не узнал. И если тогда его нежелание меня выслушать едва не стоило мне рассудка, сейчас я понимаю, что так лучше. Все это не только кардинально изменило мою жизнь, но и меня. Из избалованной принцесски я превратилась во взрослую самодостаточную женщину, которая ни от кого не зависит. Шесть лет назад я осталась совершенно одна. Без денег, без жилья, без работы, без единого близкого человека. Но я не только выжила, я как чертова птица Феникс возродилась из пепла и стала сильнее, смелее... стала, наконец, собой. И такая я нравлюсь себе гораздо больше.

По большому счету, я должна быть благодарна Марату и своему отцу за такой урок, но наверное, я все-таки не достаточно мудра. Или слишком злопамятна. Потому что я хочу отомстить. Всем сердцем хочу. Шесть лет назад отец выбрал свою фирму, я снова проиграла бездушному МиКрейту. Моя незапланированная беременность, не входила в его далеко идущие планы на меня, не для того он вложил в свою единственную дочь столько ресурсов, чтобы пустить все коту под хвост из-за “залета по ошибке”.

Я была уверена, что переболела, простила, переросла... Но когда мне позвонил Ковальский и торжественно сообщил, что великая империя МиКрейт теперь моя, меня вновь накрыло лавиной из эмоций и боли. Компания всегда была для него главным детищем, на наших редких семейных обедах он только о ней и говорил и уже в детстве я начала догадываться, что он официально признал меня дочерью лишь для того чтобы было кому оставить свою единственную любовь.

Моим первым порывом было просто отказаться от наследства, но потом мне в голову пришла идея получше. И вот теперь мне предстоит ответить на самый главный вопрос: что для меня важнее – отомстить отцу или оставить Марата в прошлом?

Первая любовь и отец. Эти двое должны были стать главными мужчинами моей жизни, сыграть важную роль. Они и сыграли, они оба сломали меня, растоптали, а затем просто вычеркнули из своей жизни. Так что же сейчас победит: ненависть к собственному отцу или ненависть к отцу моего ребенка? Марат единственный, кто может мне помочь уничтожить МиКрейт. Но какова будет его цена? И главное, готова ли я ее заплатить?

Глава 3

Я уже давно не школьница, но трясусь сейчас как перед экзаменом по ненавистой алгебре. Заранее решаю о визите не предупреждать. Телефона Марата у меня нет, а объяснять незнакомому человеку в его приемной кто я такая у меня нет ни малейшего желания. Тем более, что бы я сказала? “Здравствуйте, я первая любовь вашего босса.” или еще лучше: “Добрый день, на проводе мать тайного ребенка вашего босса, могу я с ним поговорить? Только это... про ребенка ему не говорите, пожалуйста”.

Нет, надо воспользоваться эффектом неожиданности. Так у Марата не будет искушения заранее навести обо мне справки. Главное, на встрече держаться спокойно, уверенно и не темнить. Если мне удастся убедить его в том, что я открытая книга и мне нечего скрывать, значит и надобности лезть в мое прошлое не будет. Господи, с чего я вообще взяла, что ему есть до меня дело? Может, он и не вспомнит меня даже!

Тут я, конечно, лукавила, но чтобы успокоить свои нервы все средства хороши, ведь так?

И вот я захожу в роскошную приемную и уверенным шагом направляюсь к привлекательной девушке за огромным столом. Она поднимает глаза от монитора и удивленно смотрит на меня. Наверняка пытается понять как я сюда попала. Обманом, дорогая, обманом.

В Пентагон, наверное, легче пробраться, чем сюда. Поэтому я вчера угробила пару часов на то, чтобы изучить все компании в этом элитном офисном здании, нашла те, которые активно ищут сотрудников, выбрала самую заковыристую вакансию – не думаю, что им пачками приходят резюме на должность финансового аналитика со знанием английского, японского и корейского языков. А затем у меня была отличная возможность попрактиковаться в навыках вдохновенного вранья (видит бог, сегодня мне это очень пригодится) и составила отличное резюме. Я бы даже сказала блестящее, если учесть, что буквально через пару часов мне перезвонили и пригласили на собеседование. Надеюсь, они не сильно расстроятся, когда выяснится, что их идеальный кандидат до них так и не дошел, хотя пропуском, любезно оставленным у охраны внизу, воспользовался.

– Я могу вам помочь? – любезно вопрошает секретарша.

– Очень на это рассчитываю, – киваю я, нацепив на лицо дурацкую улыбку. – У меня встреча с вашим боссом.

Девушка бросает растерянный взгляд на записную книжку рядом с клавиатурой и удивившись, что склерозом не страдает, спрашивает:

– Вам назначено?

– Разумеется, – вру я. – Как бы я сюда попала? Марат Константинович сам меня пригласил. Передайте ему, что Алиса Крейтор приехала.

Девушка бросает на меня очередной полный сомнения взгляд, но логика берет верх – действительно, как бы я попала в эту неприступную крепость, если бы ее босс сам меня не пригласил? Не сводя глаз с меня, она нажимает на кнопку переговорного устройства и медовым голосом сообщает:

– Марат Константинович, к вам Алиса Крейтор. Сказала, что ей назначено.

Следующие несколько секунд я, кажется, не дышу. И не потому что боюсь, что мой обман вскроется. На это мне уже наплевать. Я попала в его офис, я знаю, что он на месте, а значит без аудиенции я отсюда не уйду. Но тем не менее, я жду его ответа, словно приговора в зале суда. Примет или прогонит? Примет или прогонит?

– Пусть заходит, – раздается такой знакомый и одновременно чужой голос.

Вся бравада, которую я с таким трудом собирала по крупинкам, моментально испаряется. На негнувшихся ногах я минуя расстояние до его кабинета, толкаю от себя резную дверь и замираю на пороге.

Марат стоит у кожаного кресла и, кажется, собирается броситься мне навстречу, но вовремя одергивает себя и замирает, нацепив на лицо безразличную маску.

Я знаю, что мне нужно сразу переходить к делу, играть в гляделки с ним – плохая затея, паршивая я бы сказала. Но ничего не могу с собой поделать. Даю себе буквально пару секунд на то, чтобы изучить его лицо, сохранить в памяти все изменения, чтобы позже сравнить эту версию мужчины с той, которую я когда-то любила.

Он изменился. Сильно. Нет, конечно, если бы я случайно встретила его на улице, не узнать было бы сложно. К счастью, за последние шесть лет наши пути ни разу не пересеклись, в слишком разных мирах мы жили.

Худощавый парень с самоуверенной улыбкой и вечным вызовом во взгляде превратился в настоящего мужчину – взрослого, лощеного, серьезного... чертовски сексуального.

Нервно трясую головой пытаюсь отогнать от себя такие неподходящие мысли. Я сюда не за этим пришла, мне нужна его помощь.

– Я нарушила обещание, – говорю вместо приветствия и выдавливаю из себя улыбку. Почему-то изображать приветливость перед его секретаршей было гораздо легче. С ним же все не так – улыбка выходит кривой, голос слишком тихим, а мысли так вообще вихрем разлетаются в разные стороны.

– Обещание? – хмурится, будто не может понять о чем речь.

Придуривается или реально не помнит как сказал: “Если еще раз придешь ко мне, я уничтожу все что тебе дорого и превращу твою жизнь в ад. Снова”.

Не в силах выдать из себя и слова, я хлопаю ресницами и молчу. Неловкая пауза растягивается на несколько долгих секунд и, наконец, Скалаев не выдерживает:

– Зачем ты пришла, Алиса?

Терпение никогда не было его сильной стороной, я поспешно выхожу из ступора и придав голосу уверенности, выдаю:

– Мне нужна твоя помощь.

Глава 4

Марат

Даже не пытаюсь скрыть удивление. Да и забыл я, когда в последний раз чему-то удивлялся. Работа у меня такая – просчитывать все на несколько ходов вперед, что само по себе исключает наличие каких-либо сюрпризов.

И вот на пороге моего кабинета стоит Алиса Крейтор. Собственной, мать ее, персоной.

Тело реагирует быстрее головы, но я вовремя даю ему команду остановиться – не хватало еще рвануть ей навстречу как сопливый романтик.

Нет уж, мы с ней оба в курсе, что романтика – это не ко мне.

– Я нарушила обещание, – заявляет она с порога.

Делаю вид, что не помню о каком обещании идет речь, а самому хочется сделать рука-лицо, вспоминая того brutального самца, каким был шесть лет назад. Что я там ей пообещал? Уничтожить все, что ей дорого? Апокалипсис я никому не обещал? А то с удовольствием бы сейчас сжег к черту Вселенную лишь бы не краснеть за свои подростковые фантазии. И ведь помнит же. Спустя шесть лет. Видать, красноречиво пообещал. Это я умею, да.

Но дело в том, что тогда я был готов пообещать что угодно лишь бы прекратить тот фарс, в который превратились наши жизни. Вместе мы быть не могли, слишком сильно друг друга изранили... Даже сейчас, спустя шесть лет я помню ту тень, в которую она превратилась. Я понимал, что если у нее останется хоть призрачная надежда на то, что у нас есть шанс, она так и не начнет двигаться дальше, так и будет ждать... Выходит, зря я считал себя законченным эгоистом. В тот день я совершил самый благородный поступок в своей жизни... я ее отпустил. Да, способ был жестоким. Зато действенным. После этого она, действительно, не появлялась в моей жизни в течение долгих шести лет.

И несмотря на то, что я запретил себе даже думать о ней, пытался вытравить все до единой мысли о своей принцесске, время от времени я все равно возвращался к ней... К той, что полюбил, к той, что вдребезги разбила мое сердце.

Чтобы отвлечься от дурацких воспоминаний, сканирую ее фигуру на предмет изменений. В шмотках я никогда особо не разбирался. Всегда было загадкой как девушки могут запоминать все коллекции именитых дизайнеров и потом за секунды просчитывать стоимость наряда окружающих. Но тут и к бабке ходить не надо – именитые дизайнеры и рядом не валялись с тем, что на ней надето. Странно. Раньше бы она и полы не мыла такими тряпками. Приходится прикусить губу, чтобы не рассмеяться в голос от этой абсурдной мысли – Алиса и мытье полов... да уж.

В остальном в ее внешнем виде мало что поменялось. Волосы стали чуть короче, раньше были до лопаток, сейчас едва касаются плеч. Тело никак не изменилось, уж я бы заметил. В свое время я его изучил вдоль и поперек. Но нет... Как будто не шесть лет прошло, а шесть дней.

А вот что я не узнаю, так это взгляд. Раньше она всегда смотрела на всех со снисхождением королевы. Даже когда мы расстались и я щеголял перед ней другими женщинами, все равно не переставала смотреть свысока. А сейчас... вот не могу объяснить что изменилось, но что-то мне подсказывает, что наследницы богатейшей империи так на мир не смотрят. С вызовом, что ли...

Несмотря на то, что я сдержал свое обещание и ни разу за все эти годы не поинтересовался судьбой Алисы, о смерти ее отца был в курсе. Опять-таки, работа у меня такая – быть в курсе. Хотя, на судьбе МиКрейта смерть ее основателя вряд ли отразится. Старик уже года

два как отошел от управления и сомневаюсь, что новая хозяйка будет вникать в дела фирмы. Управленцы у него нормальные, я регулярно получаю отчеты о росте акций. Хорошая все-таки получилась инвестиция. Когда я скупал акции МиКрейта, моей главной целью было поразить папашу Алисы. Переплатил баснословную сумму чтобы заключить сделку через подставное лицо, но тогда я считал, что это будет моим козырем в рукаве, когда она решит меня с ним познакомить. Но Алиса не решила... вместо этого попросила своего кретина одноклассника сыграть роль ее парня. Я этой чести так и не удостоился. Куда уж мне до торчка-Грушевского?

– Зачем ты пришла, Алиса? – рывком выдергиваю себя из дурацких воспоминаний.

На секунду мы встречаемся взглядом и она, будто шагая в пропасть, на одном дыхании произносит:

– Мне нужна твоя помощь.

Не то чтобы я сильно удивлен. Какие еще у нее могли быть причины, чтобы заявиться ко мне спустя шесть лет?

Но заинтригован, да. Не буду скрывать.

Киваю на кресло и бросив быстрый взгляд на часы, предупреждаю:

– У тебя не так много времени. У меня встреча с клиентом.

– Я успею, – покладисто отвечает она и я опять ловлю себя на мысли, что совсем не узнаю ее.

Ладно, какие-то аристократические замашки у нее все-таки остались. Вон как элегантно уселась в кресло, так что хочешь не хочешь, а на длинные ноги будешь пялиться и слюни пускать словно сопливый школьник.

– Я тебя слушаю, – говорю с трудом оторвав взгляд от ее ног.

– Мне нужны твои акции МиКрейта. Я хочу их купить.

Чувствую как брови устремляются вверх и едва сдерживаюсь, чтобы не присвистнуть от удивления. Понятия не имею чего я ожидал, но явно не этого. Интересно, какая муха ее укусила? Не хочет, чтобы я обогатился за счет ее компании? Или не хочет, чтобы нас с ней что-то связывало? Скорее второе.

– Акции твоей компании не...

– Не продаются. Я в курсе, – перебивает она. – Но не зря же мы с тобой учились на юрфаке, думаю, сможем найти лазейку.

– Лазейку? – переспрашиваю с трудом сдерживая улыбку.

– Да, – раздраженно повторяет она. – Я не прошу тебя продать акции мне официально. Пусть по документам они останутся твоими. Мне всего лишь нужен твой голос на собрании акционеров.

– Всего лишь..., – повторяю за ней, ожидая, что она разовьет тему, но Алиса упорно молчит и видимо ждет, что я соглашусь на ее предложение вслепую. Просто потому что она попросила, да.

Хотя, это и странно. Она ведь, действительно, могла просто попросить. Зачем выкупать мои акции ради одного собрания? Я, конечно, понимаю, что ввиду свалившегося на нее наследства мои пол процента акций это мелочь, но тем не менее, сорить деньгами смысла нет.

– И за что я должен буду проголосовать? – интересуюсь, перебрав в голове все мыслимые и немыслимые варианты. В университете она не особо интересовалась учебой, что и неудивительно, отец запихнул ее на юрфак потому что это “солидно и престижно”, забыв поинтересоваться ее мнением на этот счет. Неужели сейчас у нее проснулась тяга к отцовскому бизнесу?

– Я хочу закрыть компанию.

Первые секунды мне кажется, что я неправильно расслышал ее. Но смотрю на ее сосредоточенное лицо, обычно пухлые губы сжаты в тонкую линию и взгляд... чертов вызывающий взгляд как у королевы.

– Да, я хочу закрыть компанию отца, – раздраженно повторяет она, увидев скепсис на моем лице. – Судя по тому, что я прочла в интернете, ты от этого не обеднеешь. В любом случае, я готова заплатить гораздо больше их рыночной стоимости.

– Зачем тебе это? – в голове не укладывается, что кто-то, тем более, владелец захочет закрыть такую прибыльную компанию.

– У меня на это свои причины. Личные, – уточняет она, будто хочет в очередной раз напомнить мне, что ее личная жизнь меня не касается.

– И как ты думаешь, отреагируют мои клиенты, если я поучаствую в закрытии компании, в которую сам же и рекомендовал им вложить деньги?

– Значит порекомендуй им вывести деньги. Скажи, что получил инсайдерскую информацию, что компания скоро закроется.

– Инсайдерскую? – усмехаюсь я. – То есть, ты думаешь, что в мире инвестиций хоть для кого-то останется секретом кто проголосовал за закрытие МиКрейта? На кону моя репутация, Алиса. Я слишком много работал над ней, чтобы сейчас спустить все это в трубу. Даже ради тебя... Тем более, ради тебя, – тут же исправляюсь я.

Она порывается сказать что-то еще, но я жестом указываю на часы:

– Извини, но твое время вышло, – говорю твердо и спокойно, но глядя на ее поникший взгляд, на то как она прикусывает нижнюю губу и часто моргает, будто пытается сдержать слезы, внутри что-то оживает. И еще до того как я успеваю осмыслить свои слова, с губ срывается: – Я подумаю над твоим предложением. Пойдем, провожу тебя до парковки.

Сам не знаю зачем я это предложил. Наверное, при виде ее расстроенного лица сработал какой-то первобытный инстинкт, но вот сейчас мы стоим в лифте в окружении еще троих мужчин и... молчим. Когда приятный женский голос торжественно объявляет нам о том, что мы достигли первого этажа, я в шаге от того, чтобы ослабить галстук от перенапряжения.

– Где ты оставила машину? – спрашиваю, надеясь, что просто она просто бросила ее на улице, а значит нам не придется находиться вдвоем в полумраке подземного паркинга. Я не ожидал эту встречу. Не был к ней готов.

– У меня нет машины, я приехала на метро, – буднично бросает она и не дав мне времени соскрести свою челюсть с начищенного до блеска пола, дергает ручку двери и напоминает: – Ты обещал подумать над моим предложением.

Глава 5

Марат

Раздраженно поднимаю глаза от монитора, когда Вадим с громким стуком заходит в мой кабинет. Не люблю когда цифры не сходятся, а в этом файле творится жуткая неразбериха. Им не инвестор нужен, а хороший бухгалтер для начала.

Начальник безопасности, легко считав мое настроение, без лишних прелюдий кладет файл на стол и отчитывается:

– Вся информация по Алисе Крейтор за последние шесть лет, как вы просили.

Удивленно кошусь на файл. Такой тонкий, в нем от силы пару листочков.

– Так быстро?

Начбез пожимает плечами: – Не за это ли вы нам платите?

– И за это тоже, – киваю ему. Вадим уходит, но я почему-то не спешу открывать файл. Упрямо заканчиваю сверять цифры на мониторе, будто самому себе пытаюсь доказать, что мне совсем неинтересно как Алиса провела последние шесть лет. Будто в этом файле очередной рабочий проект, который ждет своей очереди и он не прожигает сейчас огромную дыру в моем любопытстве. Будто, да...

Сколько раз за это время я о ней вспоминал? Но всегда держался, считая, что чем меньше о ней знаю, тем лучше. Она разбила мое сердце, уничтожила и без того шаткое доверие... почти сломала меня.

Сейчас же, своим визитом Алиса обрушила на меня все эти воспоминания, словно снова макнула в то липкое болото, из которого я не мог выбраться почти два года. Что ж... посмотрим что же такого произошло за это время, что она там взъелась на обожаемого папашу до такой степени, что решила уничтожить его фирму.

Первое, что бросается в глаза, это то что Алиса так и не закончила универ. Гадство. Я забрал документы из деканата специально чтобы дать ей свободу, а выходит, что зря. Она отчислилась всего через месяц после меня.

Второй удивительный факт – она пошла работать. Причем, не в фирму отца, а преподавателем хореографии. Поразительно, что инфаркт ее отца хватил только спустя шесть лет, не знаю как старик пережил такое “падение” дочери. Учитель танцев вряд ли возглавлял список достойных профессий по его мнению.

Я бегло просматриваю выписки из ее трудовой книжки, так и не в силах до конца представить Алису на работе. С детьми. В первой студии она проработала всего несколько месяцев, затем устроилась в другую, а через год пошла работать учителем хореографии в интернате и параллельно работала инструктором в фитнес центре.

Может, это не та Алиса? Каковы шансы, что Вадим нашел ее однофамилицу? Ну никак информация, уместающаяся на двух листиках А4 не вяжется у меня с дочерью одного из богатейших людей нашей страны. Ни тебе пьяных дебошей, ни дорожных штрафов... Хотя, что она там говорила? У нее машины нет? Может, сбила кого в пьяном угаре и отец отобрал права? Так себе идея, конечно, особенно, если знать ее хорошо. А я знал. Но какие еще могут быть причины, чтобы она захотела отказаться от отцовской компании?

Я бы мог, наверное, еще долго строить предположения, одно интереснее другого, но переворачиваю страницу и буквально каменею на слове “сын”. У Алисы есть сын.

Крейтор Тимур. В графе отец прочерк. Неужто папа позволил ей родить вне брака? Тот Михаил Крейтор, которого я знал, заставил бы любого мужчину жениться на дочери, лишь бы избежать ненужных слухов.

А потом я смотрю на дату рождения и чувствую как внутри все сжимается и в голове включается калькулятор. Я люблю цифры. Цифры любят меня. Но сейчас почему-то они разбегаются, словно тараканы от внезапно включившегося света. Девять месяцев. Сколько это недель?

Щелкаю по заснувшему монитору и ввожу свой самый странный поисковый запрос: как рассчитать дату зачатия?

Следующие несколько минут я открываю для себя много новых слов: пдр, акушерский, эмбриональный срок и наконец, жму на ссылку с калькулятором, который любезно предлагает рассчитать день зачатия по дате родов.

И несмотря на то, что красные буквы на экране навязчиво предупреждают о том, что данные могут быть неточными и отличаться от реальных, я сейчас чувствую каждый гулкий удар своего сердца.

Меня вряд ли можно назвать сентиментальным и уж тем более я не веду учет того когда и с кем спал. Но то время я помню прекрасно. И рад бы выкорчевать эти воспоминания из собственной памяти, да не могу. Мы расстались почти за год до этого и после такого перерыва... в общем, та ночь навсегда останется в моей памяти. Расчеты на сайте показывают дату зачатия на три дня позже той ночи, но... что они там говорили про неточность?

Как же так?. Я был уверен, что Алиса пила таблетки. Когда мы встречались точно пила, а потом я и не спрашивал. Не до этого было. Неужели у меня есть сын?

Отец... я пытаюсь распробовать это слово на языке, но даже вслух произнести не могу. Мой папаша был последним подонком и себя я в этой роли представляю смутно. Но кожу ладоней, тем не менее, начинает покалывать от какого-то странно предвкушения. У меня есть сын?

Как, вообще, так получилось? Почему промолчала?

Память тут же услужливо подсовывает наш последний разговор шесть лет назад. Помню ее слезы, даже отчаяние. Я тогда все списал... просто на свое поведение. Признаю, я вел себя с ней как кретин. Еще и считал себя благородным, мать его, рыцарем за то что нашел в себе силы ее отпустить, хоть и жестоко!

А сейчас вдруг понимаю, что была другая причина. Она пришла, чтобы рассказать мне о беременности. Моим ребенком. А я даже слушать ее не стал.

Вопросов гораздо больше, чем ответов, а так как у меня нет ни хрустального шара, ни желания на нем гадать, то я бросаю очередной взгляд на листок, вбивая в память адрес и встаю из-за стола полный решимости навестить единственного человека, который знает правду.

Дорога до ее дома занимает больше сорока минут и все это время набатом в голове звучит лишь одна фраза. У меня есть сын. У меня есть сын. От нее. От девушки, которую я когда-то любил и боготворил. От той, что предала меня.

С трудом представляю Алису в этом, богом забытом, спальном районе, но видимо, за эти шесть лет ее жизнь, действительно круто изменилась.

Одновременно со мной к обычной панельной многоэтажке подъезжает серебристый внедорожник и я даже не особо удивляюсь, когда водительская дверь распахивается и из нее выходит Алиса. Что там она говорила по поводу того, что у нее нет машины?

Что, вообще, из того, что она мне сказала – правда? И самое главное, почему скрывает ребенка? Моего ребенка??

Я глушу мотор и уже открываю дверь с целью выяснить все здесь и сейчас, когда замечаю, что в машине она была не одна. Алиса обходит авто, открывает заднюю дверцу и на тротуар выпрыгивает мальчуган. Машина высокая, поэтому Алиса заботливо ловит его. На пару мгновений ее губы касаются его лба, а меня пробивает электрический разряд за электрическим разрядом. Двести двадцать вольт беспощадно проносятся по венам и сметают все на своем пути, подпитывая мою эйфорию еще больше, когда она нежно треплет по волосам и опускает на землю.

Мой сын.

Подсознание услужливо рисует мне красочные картинки их жизни вдвоем. Прогулки в парке, веселые карусели, дни рождения и кучу других моментов. Моментов, которые я пропустил. Которых она меня лишила.

Рука так и замирает на ручке и сердце предательски пропускает пару ударов. Я с жадностью вглядываюсь в незнакомый силуэт: темные волосы, худощавый... Невольно улыбаюсь вспоминая себя в детстве, только ленивый не пытался меня накормить, и несмотря на регулярные тренировки в спортзале, массу я смог набрать только несколько лет назад.

Но через мгновение пацан оборачивается и улыбка моментально сползает с моего лица, а где-то в районе груди начинает снова кровоточить. Он не может быть моим сыном. Несмотря на то, что мой прапрадед по материнской линии был татарин и меня называли в честь него, внешность у меня чисто славянская. А вот мальчик то ли якут, то ли бурят. Родства между нами точно быть не может, а значит Алиса...

Лживая дрянь. Просто лживая дрянь!

На секунду мы с ним даже встречаемся взглядами, он с восхищением смотрит на мою тачку, но затем мать его окликает и он спешит догнать ее у подъезда, хватая ее руку и они вдвоем скрываются из вида. Громкий хлопок закрывающейся двери выводит меня из ступора и я с ревом срываюсь с места.

Какая же она лживая дрянь! Даты сходятся, в этом сомнений нет. А значит тогда она спала не только со мной. Интересно, это был кто-то постоянный? Или просто случайная связь? Способ забыть меня? Я весь месяц тогда не находил себе места, корил себя за то, что довел ее до апатии, чувствовал вину за ее прогулы и отсутствующий вид в те дни, когда она все-таки появлялась на учебе. Я был уверен, что причина всех ее бед – именно я. И переступив через себя, избавил ее от страданий. Самоликвидировался из ее жизни.

Но получается, что когда она в своей комнате плакала и говорила, что не готова отпустить меня... она уже была с кем-то другим? Почему-то от этого становится особенно противно и я чувствую как желчь начинает подступать к горлу. Гадство. Даже хваленая дыхательная гимнастика моего мозгоправа сейчас не помогает. Дрянь. Какая же она дрянь.

Глава 6

Нажимаю на кнопку звонка и нервно поглядываю на часы. По дороге из поликлиники мы попали в пробку и теперь я безбожно опаздываю за сыном в сад. Тимур и так расстроился утром, что идет туда без лучшего друга, а если я заберу его позже всех – будет дуться весь вечер.

Наконец, дверь распахивается и на пороге появляется заспанная соседка.

– Прости, – виновато произносит она. – Заснула все-таки.

– Ничего страшного, – отмахиваюсь я, сдавая ей на руки внука. – Надо было написать, что собираешься прилечь, я бы тогда с Костиком вместе за Тимуром съездила.

– Да я не думала, что засну, – поясняет Саяра. – Обычно мигрень если разойдется, то дня три минимум не отступает, ты же знаешь.

– Знаю-знаю, – произношу с сочувствием и чмокнув ее в щеку, сбегая вниз по ступенькам.

– Спасибо, детка. Я твоя должница, – доносится мне вслед.

За последние шесть лет мы столько раз выручали друг друга, что уже наверное, и не сосчитать кто кому должен.

Мы появились в жизни друг друга очень вовремя. Я не любительница сваливать все на судьбу, но до сих пор уверена, что именно она свела нас с Саярой вместе.

Мы обе тогда были в очень сложном положении.

Я была на пятом месяце беременности и как раз узнала, что хозяйка танцевальной студии, в которой я трудилась нагло меня обманывала.

Когда Виола только взяла меня на работу, я была уверена, что вытащила счастливый билет. У меня не было профильного образования, но было много энтузиазма и четкое осознание того, что эта работа мне нужна позарез, а иначе мне не выжить.

Именно поэтому я и согласилась на минимальную оплату, сэкономила на всем и ждала, когда студия наберет клиентов, будет надежно “держаться на плаву” и Виола поднимет мне оклад.

Я вела четыре утренние группы пилатеса и три вечерние танцевальные у девочек. Каждый день. Без выходных.

В моих группах было много людей, но Виола объясняла, что большинство из них купили абонементы на год с большой скидкой, поэтому я и получала копейки. Каждый раз она обещала, что сможет повысить мне оплату как только наберется больше клиентов. И каждый раз я ей, конечно, верила.

Правду я узнала совершенно случайно от коллеги. Света вела в нашей студии направление пол-данс и когда мы разговорились о зарплате, выяснилось, что никаких таких скидочных абонементов не существует.

Виола даже не стала особо оправдываться. Она сказала, что зауглила мою фамилию и прекрасно знала, что в деньгах я не нуждаюсь. Видимо, считала, что работаю по десять часов в день я исключительно от скуки...

До сих пор помню то ощущение безысходности. Наверное, впервые после того как я распрощалась с богатой жизнью, я испугалась, что у меня не получится. Что я не справлюсь. Я смотрела в ее глаза и мне хотелось кричать! Кричать, что это несправедливо. Кричать, что она не имела права меня обворовывать. Кричать, что я увольняюсь.

Но я молчала. Смотрела на нее полными слез глазами и молчала.

Потому что знала, что на пятом месяце беременности я уже не найду другую работу.

Всю дорогу домой я жалела себя. Истязала мыслями о том как собиралась содержать ребенка, когда и себя-то не в состоянии прокормить? Уходя из дома отца я взяла минимум вещей, оставила почти все свои дизайнерский шмотки и украшения. Упаковала только пару комплектов одежды, все-таки на дворе была зима и даже с обостренным чувством гордости я понимала, что с голым задом долго не протяну. Из драгоценностей я взяла лишь те, что мне дарила подруга Алена и другие друзья/родственники. Все отцовские богатства, включая платиновую карту, я оставила в прошлой жизни.

Первое кольцо я сдала в ломбард сразу в тот же день, чтобы выручить денег на аренду жилья и купить хоть какие-то продукты. Остальные украшения я пообещала себе продать только в случае острой необходимости. И в тот день, спустя всего три месяца независимой жизни я даже думать не хотела о том, чтобы снова идти в ломбард. Деньги мне понадобятся, когда родится ребенок и я буду не в состоянии работать какое-то время. А сейчас я еще могу, правда, живот уже видно и вряд ли кто-то официально возьмет меня на работу...

Подходя к подъезду я встретила незнакомую женщину с коляской. Пандуса у нас не было и она неуклюже пыталась затащить ее по ступеням под вопли недовольного младенца.

Женщина была гораздо старше меня, из чего я сделала выводы, что малышу она придется бабушкой. И тут же поймала себя на мысли, что завидую. Завидую какой-то незнакомой девушке, у которой есть родственники, готовые помогать с ребенком, в то время как мне нужно рассчитывать только на саму себя. И от этой мысли на душе стало как-то совсем тошно...

– Давайте я вам помогу, – предложила я, схватившись за ручку коляски.

– Ты что? – запротестовала она, заметив мой живот. – Куда тебя тяжести тягать. Подержи лучше Костика, а я так затащу.

И еще до того как я успела возразить и сказать, что ни разу в жизни не держала младенцев, у меня в руках оказался сверток. Маленький вопящий сверток.

Мы с малышом испуганно смотрели друг на друга. Трудно сказать, кто из нас в тот момент боялся больше. Но он вдруг замолчал и мы с соседкой начали осторожно продвигаться в подъезд. Она поставила коляску в техпомещение и вытащила из корзины огромный пакет из супермаркета, глядя на который я сразу распрощалась с мыслями вернуть ей ребенка. Так мы и поднимались на пятый этаж: женщина с пакетом, а я с младенцем. Первые два этажа я держала ребенка на вытянутых руках, боясь сделать что-то не то. Но руки быстро устали и я на свой страх и риск прижала его к груди. Малыш довольно засопел и, кажется, собирался заснуть.

– Спасибо, – поблагодарила меня женщина, открыв дверь в квартиру. – Я Саяра, кстати. А это Костас, – кивнула она на малыша.

– Алиса, – представилась я и приготовилась отдать ей ребенка, но она уже скрылась в глубине заставленного коробками коридора. Судя по всему, они только-только переехали в наш дом. Это объясняет почему раньше я их не видела. Это или то, что я целыми днями пропадаю на работе.

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Саяру, вернувшись в коридор уже без пакета. Она забрала у меня мирно спящего ребенка и шепотом удивилась: – Заснул, наконец-то. На прогулке так и не смогла его укачать.

После этого она пригласила меня на чай, а я почему-то согласилась. Сама себе удивилась тогда. Но видимо, мысли о своем незавидном положении меня вконец доконали и я боялась, что если сразу пойду домой, то от самокопания меня уже ничего не спасет и я проведу очередной вечер рыдая в подушку.

Тогда-то и выяснилось, что с завистью к маме малыша я поспешила. У невестки Саяры возникли проблемы со здоровьем за пару месяцев до предполагаемых родов и, к сожалению, она не выжила. Но малыша, к счастью, удалось спасти и теперь женщина практически в оди-

ночку воспитывала внука в то время как ее сын Айсен пытался заработать денег им на жизнь. Саяра приехала сюда из маленького поселка в Якутии, чтобы помочь сыну. Они разменяли большую квартиру на поменьше, из оставшихся денег раздали долги за лечение невестки и заплатили в какую-то фирму, чтобы помогли ее сыну устроиться механиком на рыболовном судне. И вот Саяра, в свои почти пятьдесят, снова столкнулась с бессонными ночами, изматывающими хлопотами и переездом.

В тот раз я настояла на том, чтобы помочь ей разобрать хоть какие-то коробки, а через час, когда малыш проснулся, даже помогла ей его покормить. Я смотрела как он жадно обхватывает пухлыми губами бутылочку и поняла, что все мои проблемы решаемы. Я найду дополнительную работу, продам оставшиеся украшения, которые отложила на “черный день”, еще раз поговорю с Виолой... но я больше никогда не буду сомневаться в своем решении. Я справлюсь.

С тех пор прошло больше пяти лет и многое в нашей жизни изменилось, но мы с Саярой все так же помогаем друг другу. Это она держала меня за руку до приезда Скорой, когда начались схватки, встречала из роддома и провела по всем “острым углам” материнства.

Вот и сегодня, когда она свалилась с мигренью, я вызвалась отвезти Костаса в поликлинику. Ночью у него поднялась высокая температура, а наш участковый врач уже вторую неделю на больничном, поэтому утром Тимур отправился в сад один, а мы с Костиком провели долгие два часа в поликлинике, ожидая когда хоть кто-то из оставшихся педиатров освободится и сможет осмотреть его в боксе. Выяснилось, что лихорадку спровоцировала очередная аллергия. Мальчик родился недоношенным и с младенчества страдал аллергическими реакциями, а в годик этот стойкий малыш даже перенес операцию, которая исправила почти все проблемы. Помню, я тогда долго гуглила его диагноз и узнав цены на лечение, уже готова была распродать последние украшения, а если и этого не хватит – пошла бы на поклон к отцу. Он как раз тогда открыл свой благотворительный фонд. Для себя бы я ни за что не попросила у него денег, но на кону стояла жизнь Костика и я бы легко переступила через свою гордость. Но им невероятно повезло, государство выделило какую-то квоту и его прооперировали совершенно бесплатно. Ну а аллергия... это уже мелочь. Главное, что в остальном он здоров и уже через пару дней сможет пойти в сад. Бедняга сегодня все уши мне прожужжал о том как скучает по Тимуру. Несмотря на почти семь месяцев разницы в возрасте, они ходят в одну группу и считают себя больше братьями, чем друзьями.

Утром Саяра настояла, чтобы я взяла машину Айсена, так как сам он в очередном рейсе. Он купил ее пару лет назад и даже заставил маму получить права, но она так и не решается ездить по плотному городскому трафику. Сейчас она хоть на дачу ездит самостоятельно, но первые разы мне приходилось довозить ее до выезда из города, а самой возвращаться домой на автобусе или такси, так как Саяра решалась рулить только вне мегаполиса. Зато сейчас она катается туда почти каждую неделю, еще и мальчишек с собой берет подышать свежим воздухом.

За эти годы Айсен начал неплохо зарабатывать, купил квартиру, машину, дачу... Я очень радовалась за них, но как бы низко это ни звучало... в душе я боялась, что скоро они переедут в район получше, в квартиру побольше и я опять останусь одна. Мне двадцать пять, а я все еще боюсь остаться “без взрослых” как маленькая девочка.

Однажды я думала, что мой страх точно сбудется, когда хозяйка квартиры, которую я снимала, сказала что собирается ее продавать. Но потом выяснилось, что новый хозяин тоже планировал ее сдавать и для меня в этой ситуации поменялся лишь номер счета, на который я отправляла каждый месяц оплату за аренду.

Сейчас мне даже смешно от этих мыслей, на моих счетах достаточно денег чтобы выкупить все квартиры не только в нашем доме, но и во всем районе. Вот только деньги отца мне не нужны. Шесть лет назад растерянная и запутавшаяся девочка смогла выжить без отцовской поддержки, и сейчас тем более я этих денег не хочу.

Глава 7

Звонок от Марата раздается настолько неожиданно, что я, кажется, забываю как дышать. Но когда беру трубку, понимаю, что зря дрожала как школьница – звонит не Скалаев, а его помощница, представившаяся Ксенией. Предлагает приехать к ним в офис сегодня к пяти вечера.

По четвергам у меня нет вечерних групп, так что я бодрым голосом заверяю, что это время мне подходит, хотя уверена, мы обе с ней понимаем, что даже если бы не подходило, я бы разбилась в лепешку, но сделала так, чтобы появиться в его приемной вовремя. Потому что Марат Скалаев второй раз предлагать не будет. И потому что мне эта встреча очень нужна. Настолько, что я ради этого рискнула всем что у меня есть.

После занятия я упрямо не поправляю макияж и прическу, тем самым пытаюсь унять какое-то непонятное волнение и доказать самой себе, что это обычная деловая встреча, а не свидание. Но в конце концов не выдерживаю и под равнодушный взгляд таксиста провожу по губам блеском и распускаю тугой пучок волос. Чувствую себя при этом очень глупо. Я что, действительно надеюсь, что мой внешний вид может как-то поспособствовать его решению мне помочь? Конечно нет. Это же Марат.

Но думать о том, что мне просто хочется при нем выглядеть хорошо я хочу еще меньше. Поэтому продолжаю утешать себя тем, что сделала бы тоже самое перед любой деловой встречей. В офис МиКрейта я тоже не в трениках хожу, всегда надеваю костюм и делаю укладку. Поэтому вполне логично, что и сейчас я желаю выглядеть презентабельно.

Марат не стал бы звонить просто так. Если он позвал меня, значит решил принять мое предложение. И пусть мне придется отступить от изначального плана, я полна решимости.

Когда я шла на прошлую встречу, моим главным страхом было что он узнает о сыне. Но сейчас я понимаю, что возможно, пришло время ему сказать.

За все эти годы я ни разу не засомневалась в своем решении скрыть ребенка. В самом начале у меня и выбора-то особо не было, шесть лет назад Марат просто не захотел меня слушать, когда я пришла к нему. Тогда он, наконец, поставил точку в наших болезненных отношениях и напугал меня до чертиков своими угрозами. Тогда я считала это концом света, сейчас же я понимаю, что это просто была судьба...

Когда Тимур только родился, я, видимо, от передозировки окситоцина в крови, пару раз порывалась заявиться к Скалаеву на порог с младенцем на руках. Нет, не для того чтобы молить о помощи. К тому моменту я уже прекрасно поняла, что со всеми жизненными трудностями прекрасно справлюсь и без посторонней поддержки. Тем более, без поддержки от того, кто выбросил меня словно надоевшую игрушку.

Но меня тогда переполняла такая искренняя и сильная любовь к сыну, что мне хотелось дать ему еще больше, мне хотелось, чтобы он чувствовал не только мою любовь, но и любовь отца.

Однако каждый раз я гасила в себе эти мысли еще в зачатке. Тот Марат, которого я знала, тот парень, который обещал уничтожить все, что мне дорого, не был способен на любовь. И это, безусловно, моя вина. Потому что прежний Марат любил... Но я сама разбила его сердце, я его предала и причинила такую боль, что вместо сердца в его груди остался лишь холодный камень. А с каменным сердцем человек просто не способен на любовь. Он может лишь выживать все вокруг своей ненавистью. И разрушать, разрушать все на своем пути. Когда-то он едва

не сломал меня и я готова была на все, лишь бы он не перенес свою ненависть ко мне на моего сына. Формально, конечно, нашего... но после стольких лет, я считаю, что вполне имею право считать Тимура исключительно своим.

То что я прочла о нем в интернете перед прошлой встречей лишь подогрело мое любопытство. За последние шесть лет он оттяпал себе нехилый кусок столичного бизнеса. Сеть пестрила сотнями интригующих заголовков с догадками о том, откуда у Скалаева взялись деньги для стартового капитала. Огромные деньги. Даже по моим меркам. Многие связывали его состояние с бизнесом отца, который промышлял криминалом, считали, что сын в тайне пошел по его стопам, а крупнейшая инвестиционная компания – лишь умелое прикрытие.

Факт в том, что правду не знал никто... даже я, несмотря на то что когда мы встречались я много раз пыталась выяснить откуда у него средства на дорожные подарки, если счета отца уже тогда были арестованы из-за того что тот находился под следствием.

Так что неудивительно, что журналистские расследования ни к чему не привели. Марат умело скрывал свои тайны. Мне ли это не знать...

Однако, несмотря на бесконечно размусоливание темы в желтой прессе, бизнес издания пели ему исключительно хвалебные оды. Марат Скалаев, никому не известный молодой предприниматель, за несколько лет сумел построить одну из крупнейших инвестиционных фирм. Эксперты восхищались тем как четыре года назад он сумел возродить угледобывающую компанию в одном из восточных регионов, а в прошлом году спас крупнейший никелевый завод от банкротства. Видимо, его многочисленные успехи с лихвой перекрывали пятна на репутации.

Да и в прошлый раз мне показалось, что за эти годы он все-таки изменился. Стал более цивилизованным, что ли... Даже та секундная неловкость, которую я прочла на его лице при упоминании “его обещания” говорила об этом. Возможно, другие бы не уловили эту мимолетную эмоцию, но я знаю его слишком хорошо, чтобы не распознать едва заметное смущение. Он стал мягче. Возможно, это лишь мои иллюзии. Я всегда была склонна выдавать желаемое за действительное, но мне кажется, что он изменился.

А еще меня удивило, что Марат так и не женат. В прессе этому факту уделяли немалое внимание и пару раз даже я встречала такую формулировку как “самый завидный жених столицы”.

Я была уверена, что он женится Дарье, как никак у нее от него ребенок... И судя по тому, что шесть лет назад я их встретила на приеме у врача в женской консультации, ее он, в отличие от меня, выслушал. Но видимо, этого оказалось недостаточно для того, чтобы связать себя узами браками. И все же, хочется надеяться, что он ее не бросил и обеспечил ей не только материальную, но и моральную поддержку, что она не осталась одна. Как я...

Что ж, сегодня Марат узнает, что у него есть еще один ребенок, потому что сейчас, преодолевая последние шаги до его кабинета, я полна решимости рассказать ему о сыне. Прекрасно понимаю, что он скорее всего разозлится. Имеет полное право. Но я не собираюсь тушеваться. Я пыталась ему сказать, он не стал меня слушать. Точка. Остальное – не мои проблемы. И ему придется с этим смириться. Или же нет... Опять-таки, не мои проблемы.

Глава 8

Марат

В этот раз я не даю ее псевдоневиному образу запудрить мне мозги. Вспоминаю не растерянную запутавшуюся в жизни второкурсницу, а предательницу. Ту, которая вырвала мое сердце и растоптала его своими лабутенами.

Восемь лет назад я был счастлив с ней. В моей жизни тогда творился самый настоящий хаос, отец был под следствием, но вместо того чтобы выполнять условия следователя, он поверил своим друзьям, которые в итоге от него и избавились... А принцесска была моей гаванью. Когда я влезал в окно ее спальни, все проблемы будто по щелчку пальцев оставались снаружи. Я готов был раствориться в ней, бросил бы весь мир к ее ногам... но она меня предала.

Сначала щеголяла за моей спиной с утырком-Грушевским в роли своего парня, а потом и вовсе бросилась в его объятия когда моя одноклассница отправила ей дебильное фото со мной в одной постели. Со спящим мной! У меня там даже глаза были закрыты! Но Алисе этого показалось достаточно, чтобы поставить крест на наших отношениях... Такое впечатление, что она только и ждала повод! Она даже утра не дождалась, побежала к Грушевскому в ту же минуту, а тот только и рад был подгадить мне, да и на принцесску глаз положил еще давно. Звезды сошлись, не иначе. Только вот для меня та ночь стала худшей в моей жизни. Сначала я потерял отца, а спустя пару часов – любимую принцесску. И если отец ушел из моей жизни навсегда, то Алиса вдруг решила вернуться.

Видно, что она нервничает, но уже не трясется как два дня назад. Держу пари, она уверена, что дело в шляпе и я позвал ее сюда исключительно для того чтобы осчастливить и сказать, что сделаю все что она пожелает.

Нет, принцесска, боюсь тебя ждет великое разочарование. Я уже давно не тот наивный пацан, который был готов есть из твоих рук и выполнять любую твою прихоть.

– Я готов принять твоё предложение, – хищно скалюсь и после паузы добавляю: – На своих условиях, разумеется.

На секунду на ее лице появляется растерянность, но она быстро берет себя в руки и даже выдавливает улыбку:

– Конечно, Марат.

Сама покорность. И скромность. Только вот второй раз я на это не куплюсь.

– Ты нашел лазейку? – робко спрашивает она, пока я сверлю ее взглядом.

– Нашел, – усмехаюсь.

– Я в тебе не сомневалась, – мягко произносит Алиса. – Что ты придумал?

– Может сначала договоримся о цене?

– Я согласна на любые деньги. Просто скажи сколько.

– Мне не нужны твои деньги, – бросаю ей без улыбки и видя ее выражение лица тут же добавляю: – Ты мне тоже не нужна, расслабься.

С садистским наслаждением замечаю как ее лицо слегка дергается будто я ее оскорбил и предвкушаю ее реакцию на мои последующие слова. Мне хочется посильнее надавить, сковырнуть старые раны. Мне хочется сделать ей больно.

Умом я понимаю, что Алиса не виновата в том, что я вдруг вообразил себя отцом ее ребенка, а потом жестоко обломался. Всепоглощающее разочарование, которые пожирает меня уже два дня – результат исключительно моих собственных иллюзий. Но, твою мать, в то время

как меня ломало и выворачивало наизнанку от невозможности быть с ней, в то время, когда она изображала святую невинность, притворялась расстроенной, сломленной... она уже была беременна от какого-то левого чувака. Снова и снова залезала мне в голову и заполняла собой все свободное пространство. Так что считаю, что имею полное право злиться. Что я и делаю.

– Мне нужен будет доступ ко всем внутренним материалам МиКрейта, – деловым тоном сообщаю. – Абсолютно вся документация.

– Ты хочешь переманить всех клиентов себе.

Не спрашивает даже, утверждает. Молодец, быстро сообразила. Впрочем, я и не собирался скрывать это от нее.

– Разумеется. Было бы очень глупо оставлять такую клиентскую базу.

– Я согласна, – вздыхает он. – Я хочу закрыть компанию. К клиентам и вкладчикам у меня претензий нет. Но тебе стоит поторопиться. Боюсь, что Ковальский сейчас будет заниматься тем же самым.

– Ковальский? – я смутно припоминаю самодовольную рожу гендира МиКрейта. – Только не говори мне, что ты ему сообщила о своих планах.

– Сообщила, – еле слышно произносит она. – Я не знала, что моего пакета акций недостаточно для того чтобы закрыть компанию. Ковальский весьма любезно ткнул меня носом в этот пункт. При всем совете директоров.

С губ срывается несколько ругательств и очень хочется запустить в стену чем-нибудь тяжелым. Вот этим пресс папье, например. Рука тянется к ни в чем не повинному приспособлению с эмблемой моей компании, но все-таки мне удается сдержаться. Еще не поздно. Ничего непоправимого не произошло.

– С Ковальским я разберусь. Вряд ли он всерьез полагает, что тебе удастся заручиться помощью кого-то из акционеров. Значит, нервничать ему рано.

Алиса с энтузиазмом кивает, а я стараюсь не обращать внимание как белые локоны падают ей на лицо. Не хватало еще в лучших традициях голливудских мелодрам протянуть руку, чтобы по привычке поправить ее волосы, почувствовать разряд тока от прикосновения и все, пиши пропало, герой поплыл.

Нет уж, пробуждение былых чувств в мои планы совсем не входит. Хотя, стоит заметить, что мысли о том, чтобы немного подразнить Алису, греют мне душу.

– Это еще не все. Мне нужна немецкая “дочка” МиКрейта.

– Не получится, – вздыхает она, – Она включена в наследство без опции продажи. Видимо, отец что-то подозревал о том, что я не захочу иметь ничего общего с его бизнесом. Но, как и в детстве, его не интересовало моего мнения. Видимо, он считал, что таким условием заставит меня все-таки пойти по его стопам.

Она горько усмехается, но я гашу в себе на корню сочувствие. Помню, как еще будучи студенткой она не хотела идти на поводу у отца, но сейчас речь не об этом.

– Оставь этот нюанс мне, сейчас главное – твое согласие.

– Я согласна, – кивает она. Надо же, какая покладистая. Видимо, папочка реально чем-то провинился, что она готова на все лишь бы избавиться от его империи. Раньше он с нее пылинки сдувал и она его всегда слушала как примерная девочка. Отец сказал то, отец сказал это...

– И последнее. Фонд “ТимКрейт” я тоже заберу.

Эта идея приходит ко мне спонтанно. Я даже цифры по фонду не смотрел, но дело в том, что в данном случае меня интересуют не только деньги, сколько репутация. Возможно, фонд поможет мне, наконец, отделаться от всех этих сплетен и слухов о том, где я взял стартовый капитал. За последние шесть лет только ленивый не обвинил меня в чем-то нелегальном, от

воровства до “тайного наследства папаши-наркобарона”. Вот только доказать никто ничего не мог, поэтому скрипя зубами контракты со мной заключают и даже за руку здороваются. Но фонд может в корне изменить дело.

“ТимКрейт” одна из самых крупных благотворительных организаций страны. Несмотря на то, что отец Алисы создал фонд всего пять лет назад, он вбухал туда столько денег, что я удивляюсь как это его еще не возвели в лик святых за все благие дела.

Так что, если мне удастся завладеть фондом, то мое имя будет отныне ассоциироваться исключительно с добрыми деяниями. Не пройдет и года, как все забудут о моем “темном прошлом”.

– Не получится, – с ноткой сожаления произносит Алиса.

– Принцесска, ты решила поторговаться? – ухмыляюсь я. – Куда делось твое “я согласна на любую цену?”.

– Фонд мне не принадлежит, – говорит и отводит глаза, а меня вдруг осеняет.

– Дедуля завещал его внуку? – высказываю свое предположение и моментально понимаю, что угадал, потому что Алиса дергается, словно от удара и смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

– Что, думала я не знал? – я буквально упиваюсь ее эмоциями. Растерянность. Шок. Страх. Ах, ну да... боится, что если я узнаю, что она тогда раздвигала ноги не только передо мной, то я аннулирую сделку.

– Ты знал? – слегка заикаясь спрашивает она.

– Разумеется я знал. Алиса, когда ты уже поймешь, что мне наплевать? – И чтобы сделать ей еще больнее, чтобы хоть как-то выплеснуть то разочарование, которое едва меня не убило у ее дома, ядовито добавляю: – Мне было наплевать шесть лет назад и мне наплевать сейчас.

Глава 9

– Разумеется я знал, – с насмешкой произносит он. – Алиса, когда ты уже поймешь, что мне наплевать? Мне было наплевать шесть лет назад и мне наплевать сейчас.

Только почувствовав боль в пальцах, я осознаю, что мертвой хваткой вцепилась в подлокотники кресла. Его слова про шесть лет не сразу оседают в моем сознании, но когда до меня все-таки доходит их смысл, я чувствую, что теряю связь с реальностью. С самого начала он знал. Он знал о нашем сыне. Все эти годы, что я боялась, что он узнает, Марат, оказывается, был в курсе. И ему было наплевать.

С шумом втягиваю воздух, а затем, наоборот, задерживаю дыхание, будто боюсь, что вместе с кислородом в меня попадет яд. Яд Марата. Отца моего ребенка. Которому на него наплевать...

Мне нельзя. Сейчас мне нельзя распасться на кусочки. И пусть внутри от его слов все медленно покрывается льдом, я должна взять себя в руки. Я не могу рассыпаться сейчас. Не могу показать ему как мне больно. Не только за себя. Но и за сына. За нашего сына.

– Выбери что-то другое, – Еле слышно произношу и прокашлявшись, пытаюсь придать голосу твердости и чтобы вырвать себе хоть какую-то передышку, достаю из сумки сложенный листик А4. – Я планировала продать часть недвижимости, чтобы выплатить зарплату и компенсацию всем работникам МиКрейта, но остальное можешь забирать. Мне не нужны его деньги.

Марат внимательно изучает информацию и с сомнением смотрит на меня.

– Принцесска, я о чем-то не знаю? За ночь рынок недвижимости в столице настолько обвалился, что тебе приходится продать огромный жилой комплекс практически в центре города, чтобы выплатить зарплату сотрудникам? Сколько их в МиКрейте? Штук двести?

– Двести пятьдесят шесть, – уточняю и закатываю глаза. – Двенадцать айтишников и шестнадцать управленцев перейдут к Красильникову, я уже договорилась с ним.

Марат присвистывает от удивления и еще внимательнее вглядывается в лист с моими подсчетами. Да, Марат, я обо всем позаботилась.

Красильников был главным конкурентом МиКрейта, лет пятнадцать назад они шли ноздря в ноздю, но потом отец заключил несколько выгодных контрактов один раз другим и резко вырвался вперед. С тех пор как Геннадий Алексеевич ни пытался, ему так и не удалось перехватить пальму первенства.

– Отдел маркетинга почти полным составом перейдет в молодое, но перспективное агентство “На крыльях”, – продолжаю монотонно перечислять. Я рада, что Марат заинтересовался этой темой. Я могу сосредоточиться на цифрах, а значит хоть как-то отсрочить очередную маленькую смерть, которую спровоцировали его слова.

– Все остальные сотрудники получают блестящие рекомендации и квартиры в том самом жилом комплексе. Строительство будет закончено через три месяца и на данный момент 70 % квартир уже выкуплены, но я дала распоряжение их продавцам остановить все сделки, так что всем сотрудникам хватит оставшихся квартир.

– Всем сотрудникам? – с сомнением смотрит Марат. – Хочешь сказать, что какая-нибудь, скажем... секретарша тоже получит новенькое жилье в элитном ЖК?

– Не какая-нибудь, а все. Даже уборщицы получают. Их там двое, кстати.

– Ты серьезно, принцесска? – Марат даже не пытается скрыть скепсис.

– Более чем, – уверенно заявляю, но в глаза ему все еще не рискую смотреть. Мне нужно продержаться до конца встречи, потом я могу позволить себе осознать его слова. Потом.

– Я надеюсь, ты не претендуешь на все богатство моего отца? Я планировала отдать оставшиеся деньги на благотворительность.

– Я же сказал тебе, денег мне своих хватает, но серьезно...? Благотворительность? Ты действительно намерена избавиться от всего наследства?

– Можешь уточнить этот вопрос у моего юриста, – холодно отвечаю. – Все оставшиеся после закрытия компании деньги будут направлены в благотворительный фонд.

– Дай угадаю, – хитро усмехается Скалаев, – в ТимКрейт? Который на бумагах будет принадлежать твоему сыну, а на деле управлять им будешь ты как его опекун...

– Управлять им, как и последние пять лет, будет Лев Игоревич Торопов. Я понимаю, что тебе в это сложно поверить, но я, действительно, не хочу денег отца. Представь себе, за эти шесть лет я успела привыкнуть к скромной жизни.

Марат протяжно вздыхает, будто ему сложно представить подобное, но тему решает не развивать.

– Я посмотрю бумаги. Возможно выберу что-то из предприятий. У твоего отца вроде был завод на Дальнем Востоке, так? Чего добру пропадать... Лишним не будет.

– Действительно, – соглашаюсь без доли иронии. Если все, что я прочла в прессе правда, то за те годы, что мы не виделись, Марат развил в себе невероятную бизнес хватку. Раньше я никогда не замечала за ним тягу к богатству, к деньгам он всегда относился ровно. А сейчас, надо же... завод ему приглянулся. Но за эти шесть лет изменился не только он. Я тоже уже не та. И мне, действительно, все равно.

– Что ж, цену мы обговорили. Можем переходить к главному.

Марат замолкает, а я чувствую как внутри у меня все непроизвольно сжимается. Лед, покрывающий мои органы толстым слоем вот-вот треснет от внутреннего напряжения. Я смотрю в его глаза и вижу не успешного предпринимателя, а дикого зверя. Есть что-то в его взгляде, что пугает меня. Я запоздало понимаю, что его новый образ, этот цивилизованный бизнесмен – это всего лишь маска. Маска, которую он надевает ради своих работников, бизнес-партнеров, журналистов, но не ради меня... Со мной ему можно не притворяться. Потому что я знаю его, знаю его сущность, знаю его темный секрет.

– Говори уже, – тороплю, чувствуя себя словно подсудимый, который ждет приговора, – Какую лазейку ты нашел?

– Брак, – Как ни в чем ни бывало заявляет Марат и видя мое выражение лица, с усмешкой добавляет: – Фиктивный, разумеется.

– Ты шутишь? – спрашиваю с надеждой и недоумением пополам. – Я не выйду за тебя замуж.

– Думаешь, мне хочется жениться на тебе? – с нескрываемым отвращением выплевывает Скалаев. – Поверь мне, если бы был другой вариант, я бы его использовал.

– Надо еще подумать, – упрямо возражаю. – Уверена, вместе мы найдем решение. Другое решение.

– Алиса, – раздраженно перебивает он, – Я проработал все возможные варианты. Этот единственный. Я не могу ни продать, ни подарить свои акции тебе. Просто так проголосовать против я тоже не могу. Это угробит мой бизнес. Ты не можешь продать мне немецкий офис. Если мы будем в браке, ты сможешь проголосовать от моего имени. Если кто-то и заподозрит, что я был в курсе твоих планов, с учетом того, что я получу при разводе, это будет выглядеть как будто я пожертвовал пешкой ради королевы.

Пешка, надо полагать, это его доля в МиКрейт, а королева – немецкая фирма и все остальное мое наследство... Вау... кто бы сомневался, что еще до того как у Скалаева зародилась идея о нашем браке, он уже обдумал детали развода. Ничего удивительного. Я бы тоже с удовольствием перешла сразу к заключительной части.

– Не боишься, что я тоже отсужу у тебя половину твоей компании? – Не знаю зачем я задаю этот вопрос, уверена, что Марат заранее все продумал и такой опции наша “сделка” не предусматривает.

– За кого ты меня принимаешь? – смотрит на меня как на глупую школьницу, – Мы подпишем брачный договор.

Чего-то такого я и ожидала, поэтому лишь устало машу в его сторону и обреченно соглашаюсь:

– Хорошо, я согласна. Я подпишу все, что скажешь. Мне бы хотелось поскорее закончить со всем этим и вернуться к своей прежней жизни.

“К жизни, в которой нет тебя,” – добавляю уже мысленно.

– Принцесска, – протягивает Марат. – Возможно, ты не поняла, но наш фиктивный брак – это не только формальность. Мне нужно, чтобы бизнес мир поверил в то, что я не имею отношения к закрытию МиКрейта.

Мне кажется, я физически ощущаю как моя нижняя челюсть устремляется куда-то вниз, а глаза расширяются до невероятных размеров. Изображать любовь? С Маратом? Нет, абсолютно нет. Это очень плохая идея. Худшая в моей жизни. Даже хуже чем начать встречаться с ним, хуже, чем пустить его в свое сердце. Хуже, чем полюбить его.

Вдоволь насладившись непередаваемой гаммой эмоций на моем лице, Марат с усмешкой заявляет:

– Я тебя уверяю, принцесска, нам обоим будет сложно изображать любовь. Но если мы хотим получить желаемое, придется постараться. Даю тебе последний шанс отказаться. Подумай хорошенько: так ли сильно ты хочешь угробить отцовскую империю?

В его голосе слышится издевка, но на самом деле, мы оба знаем, что я согласна. Я бы не пришла к нему, если бы не была уверена в своем решении. И теперь уже поздно отступать. Больше всего я боялась, что он узнает мой секрет. А оказалось, что он и так все знал. Но ему было плевать. Что может быть хуже? Уже, к сожалению, ничего...

– Я согласна, – в который раз за встречу произношу я, – но желательно закончить этот спектакль до сентября. Сейчас я в отпуске, а потом мне будет не до игр в любовь.

– Договорились, – кивает Марат. – Я, как ты понимаешь, тоже не хочу растягивать это удовольствие... Пару встреч на публике, потом на радость журналистам переедешь ко мне. В отдельную комнату, разумеется, – раздраженно вздыхает Марат неверно истолковав мое выражение лица. – Интим в наш договор не входит.

– И мыслей не было, – в тон ему отвечаю я. – Но тем не менее, я не могу к тебе переехать. У меня есть сын, Марат. И я не хочу его втягивать в эти игры.

Скалаев произносит короткое ругательство, будто уже успел забыть о существовании сына. “Нашего сына,” – мысленно добавляю, и предлагает:

– Сейчас же лето, можно отправить его в детский лагерь. Я даже проспонсирую путевку, – благодушно предлагает он. – Ну или как насчет дальних родственников? Неужели не найдется какая-нибудь тетюшка или бабуля где-нибудь на Севере?

Я всеми силами пытаюсь разглядеть хоть какие-то эмоции за этим равнодушным тоном. Пожалуйста, пусть он притворяется! Пусть вот эта небрежность, с которой он говорит о собственном сыне будет лишь игрой... Но нет, чем больше я смотрю на него, тем больше я убеждаюсь, что он не соврал – ему действительно наплевать.

Что я там говорила по поводу того, что хуже быть уже не может? Кажется, я ошибалась. Я хотела бы сказать, что чувствую ужас, отчаяние... но на деле я не чувствую ничего.

Глава 10

Меня трясет. Дикая неконтролируемая дрожь проходит вдоль всего тела, так что даже иду я, кажется, вприпрыжку. Он знал. Все это время Марат знал, что у него есть сын. И ему было наплевать! Вчера я вся извелась мыслями о том, что почти пять лет скрывала от него ребёнка. Его ребёнка. А он, оказывается, знал. И сейчас, вместо того чтобы задать мне хоть один вопрос Тимуре, он просто предложил отправить его в летний лагерь, чтобы не мешал...

В себя я прихожу только уже в такси. С трудом помню что сказала ему на прощание и как выбежала из кабинета.

Нет, за эти годы он ни капли не изменился. Внешнюю оболочку он, может, и прилизал на благо общества, но внутри скрывается все тот же дикий и жестокий зверь. И так уж получилось, что я единственная, с кем ему не нужно притворяться. Я видела его худшие моменты, я была с ним в худшие времена. Поэтому сегодня он показал мне свое истинное лицо. Скалаев выдвинул свои условия и спокойно ждал когда я соглашусь. Уверена, он ни на секунду не сомневается в моем ответе...

Господи, ну зачем я только к нему пошла? Как я могла поверить всем этим хвалебным статьям о молодом бизнесмене? Где была моя логика? Как вообще, за шесть лет можно легально построить такой бизнес? Ответ очень прост – никак! А значит Марат использовал свой излюбленный способ – пошел по головам. И следующая на очереди, несомненно, моя... моя бедная глупая головушка.

Я не перестаю дрожать даже тогда, когда такси останавливается у моего подъезда. Вытаскиваю из сумки скомканную купюру и не дожидаясь сдачи выбираюсь из авто. Возможно, потом я пожалею о такой расточительности, но сейчас это не важно. Сейчас мне нужно поскорее добраться домой и дать, наконец, волю эмоциям.

В прихожей я на несколько секунд замираю перед своим отражением в зеркале. По щекам катятся мокрые дорожки, бескровные губы подергиваются в беззвучном плаче, лицо горит, будто у меня жар. А вот внутри, наоборот, чувствую пронизывающий холод. Будто каждый орган покрылся толстой коркой льда. Особенно сердце.

И этот контраст между внешним жаром и внутренним холодом просто невыносим. Скидываю с себя одежду и становлюсь под горячий душ. Стекло душевой кабинки моментально запотеваает, но арктический холод никак не отступает. Я все еще чувствую будто чья-то ледяная рука сковывает мои внутренние органы. И даже догадываюсь чья.

Через пять минут пытки кипятком я сдаюсь и поворачиваю термостат в другую сторону. Кожа мгновенно покрывается мурашками и спустя пару минут я чувствую как все тело немеет от холода. Я словно провела синхронизацию вышедшего из строя устройства. Мне холодно. Меня знобит. Но по крайней мере, меня не раздирает контраст между внешним огнем и внутренним льдом. Я, наконец, снова чувствую себя целой. Так мне будет гораздо легче убедить себя, что там, в кабинете Скалаева, я не оставила частичку себя. Снова.

У меня уходит еще минут двадцать, чтобы совладать с душевным раздраем. Я справлюсь. У меня просто нет другого выхода. Я подпишу все, что попросит Марат. С его помощью я уничтожу МиКрейт, а дальше... он заберет свою часть и оставит меня в покое. Ведь так? И даже если я заранее знаю, что вместе с наследством я лишусь и частички души, назад дороги нет. Я сама сделала этот выбор и отступать уже поздно. А еще я сделаю все что в моих силах, чтобы не показать свою слабость. Сегодня в его кабинете я справилась на отлично и уверена,

дальше мне тоже не составит труда изображать равнодушие. По-другому и быть не может. После того, что Марат сказал о нашем сыне, после того как он показал, что ему наплевать, это будет очень легко.

Бросаю взгляд на часы и понимаю, что пора идти за Тимуром. Сегодня Саяра забирала мальчишек из сада и держу пари, весь вечер они опять строили какое-то невообразимое творение из лего. Надо не забыть напомнить им убрать за собой, а то бедная соседка снова наступит на адские детальки и будет хромать несколько дней. Невольно улыбаюсь, вспоминая “пожарную подводную лодку”, которую они собрали на прошлых выходных. Каждый раз, когда Айсен дарит им очередной набор лего, мальчишки сперва собирают его по инструкции, а затем тут же разбирают и творят уже что-то на свой вкус. Так в их коллекции появились полицейский лимузин, гоночный вертолет и та самая пожарная субмарина.

Поначалу Костас возмущался, когда Тимур разбирает только что собранную модель, был даже период, когда нам приходилось дарить им два одинаковых набора, чтобы не ссорились. Но потом Тимуру удалось убедить друга, что так гораздо интереснее и тот уже и сам полюбил отступать от инструкции и нередко проявляет фантазию.

С сыном мне будет легко забыть обо всем, что сегодня произошло. Мы обязательно почитаем перед сном, он расскажет мне как прошел его день и в подробностях расспросит о моем. А мне опять придется безбожно врать.

Не могу поверить, что еще вчера думала, что скоро, наконец, смогу рассказать ему правду об отце. Сейчас же я понимаю, что он скорее всего так никогда ее и не узнает. Потому что даже во взрослом возрасте нельзя спокойно отнестись к тому, что твоему отцу на тебя было просто наплевать.

А пока надо взять себя в руки, приклеить на лицо радостную улыбку и попытаться сделать вид, что я сегодня не заключила сделку с дьяволом.

Мой сын обладает потрясающей способностью считывать мои эмоции. Вот вроде бы улыбаюсь, слушаю его веселую болтовню про игры, про то как они в саду делали картины из манки и фасоли, искренне хваливаю этот шедевр, но он замолкает на полуслове и заглядывая мне в глаза, спрашивает:

- Что-то не так? Ты какая-то грустная сегодня.
- Да ну прям, – отмахиваюсь я, запуская руку в его густую шевелюру. – Я же улыбаюсь, солнышко.
- Улыбаешься, – серьезно соглашается сын. – Но не глазами.

А затем он меня обнимает и, кажется, в этот момент, действительно все проблемы отходят на второй план. Я, наверное, никогда не пойму как у нас с Маратом мог получиться такой добрый и не скупой на эмоции ребенок. Скалаев всегда больше напоминал робота, чем живого человека. Даже когда мы встречались... Нет, чувства, конечно, были. Но они были на грани. Тогда все было на грани.

Меня тоже сложно назвать эмоционально стабильным человеком. Может, когда-то в детстве я и не боялась открыто демонстрировать свои чувства, но потом моей главной эмоцией был страх, а его, как известно, лучше не показывать. Поэтому я старалась избегать всяческого проявления чувств.

Когда родился Тимур мне пришлось практически заново открывать для себя все: любовь, заботу, доверие. Помню, когда только забеременела, боялась, что не смогу стать хорошей матерью. Как я смогу воспитать нормального человека если сама никогда не была нормальной??

Но когда он появился на свет, я поняла, что самое главное – это любить его, показать ему, что приму любые его эмоции и ошибки.

И вот сейчас, чувствуя напряженное сопение у своего уха, обнимаю его крепко-крепко и в очередной раз понимаю, что все было не зря. Что почти шесть лет назад я приняла самое правильное решение в своей жизни.

Глава 11

– Вот, смотри, – подбегает ко мне Тимур. – Как думаешь, Маше понравится?

– Он прекрасен, – с улыбкой разглядываю букет из из лего. – Но я боюсь, детали слишком мелкие для малышки, она может попытаться их съесть.

– Съесть? – сын так смешно таращит глаза, что я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. – Мама, ну она же не корова, зачем ей есть цветы? Тем более пластмассовые! И вообще, ты же говорила, что она еще ничего кроме молока не ест.

– Малыши часто тянут все в рот. У них такой способ познавать мир вокруг.

– Фу, – морщится сын. – Ладно, тогда я цветы Алене подарю, а Маше сейчас открытку нарисую. Как можно игрушки в рот тянуть? С ними же играть надо!

Сын убегает, продолжая ворчать по поводу неразумных младенцев, а я вспоминаю свои первые седые волосы, когда он в полгода отгрыз небольшой кусок от силиконового прорезывателя. Я тогда поставила на уши всех местных врачей и только после того как три специалиста заверили меня, что малышу ничего не угрожает, успокоилась. Но отзыв на игрушку все равно оставила в интернете и с тех пор у меня развилась дикая аллергия на всех жирафов, ведь именно крохотное ухо этого животного он умудрился отгрызть своими двумя зубами.

Когда Алена вчера позвонила и предложила вместе погулять в парке, моим первым желанием было отказаться. Слишком взвинчена я сейчас. Как я ни старалась абстрагироваться от слов Скалаева, но встреча с ним выбила меня из колеи, скovýрнула старые раны и разбудила старые обиды.

И все-таки я рада, что решила согласиться. Смотрю сейчас на ее малышку, мирно сопящую в коляске и кажется, обо всех проблемах забываю.

– А она долго спать еще будет? – шепотом, но весьма недовольно интересуется Тимур. – Я хочу ей открытку подарить.

– Искренне надеюсь, что да, – смеется Алена. – Маруся сегодня всю ночь бунтовала, я думала с ума сойду, так что пусть еще немного поспит, хорошо? А открытку мы ей обязательно покажем. Уверена, ей понравится.

Тимур хватает новую огромную бетономешалку и убегает на площадку, а я еще раз повторяю Алене:

– Спасибо за подарок. – Очень хочется добавить привычное “не стоило”, но знаю, что это приведет лишь к очередному спору.

Мы садимся на лавочку и я, набрав побольше воздуха в легкие, выпаливаю:

– Я к нему ходила.

– Да ладно? – глаза подружки округляются и она осторожно спрашивает: – И что? Он согласился отдать тебе свой голос?

– Согласился, – вздыхаю. – Но на своих условиях.

– И...? – от нетерпения она даже толкает меня локтем. – Не томи.

– Я бы согласилась на любые условия, ты же знаешь. Но дело не в этом. Он знал.

– Что именно? – она удивленно поднимает брови, но тут же отрицательно мотает головой. – Нет, это исключено.

– Он сам сказал.

– Не может быть, Алиса, – все так же уверенно повторяет она. – Он не мог знать о существовании Тимура...

– Но тем не менее, – усмехаюсь я всеми силами пытаюсь изгнать из голоса горечь. – Он сказал, что знал еще шесть лет назад, но ему было наплевать.

– Но..., но он же, – подруга от волнения начинает даже заикаться. – Но он говорил что у него нет детей. Так искренне!

– Тебе? Ты с ним общалась? – теперь настала моя очередь округлять глаза. Хотя чему я удивляюсь? Скалаев давно был запретной темой в наших разговорах и вполне логично, что они с Аленой могли пересекаться. Это мы с Маратом оказались в разных кругах, Алена же продолжала вращаться в прежних, даже несмотря на то что в Москве появлялась лишь раз в пару месяцев.

Когда наши отношения с Маратом зашли в окончательный тупик, подруга предложила мне перевестись в Питер, даже нашла нам подходящий университет и сама уладила все вопросы с документами. Но за неделю до переезда я узнала, что беременна. Отец ребенка даже не захотел меня выслушать, а мой собственный сразу же отправил “решать проблему”. Алена уехала в Питер, а я осталась совсем одна.

Поначалу у меня было эгоистичное желание рассказать подруге о беременности, я была уверена, что она меня не бросит и останется в Москве... но для нее это бы значило испортить отношения с родителями и идти на попятную в деканат, дубовой дверью которого она громко хлопнула, забирая документы. Решение оставить ребенка было моим, а значит было бы несправедливо ожидать от нее готовности изменить свою жизнь.

А я еще я трусливо боялась, что если она узнает о малыше, то тоже начнет меня отговаривать от решения рожать. Мне тогда казалось, что никто не в состоянии понять меня и мои проблемы. Весь мир был против меня.

Когда я сообщила ей, что передумала и никуда не поеду, Алена обиделась и даже разозлилась. Я была уверена, что в тот день потеряла последнего близкого человека. Но в отличие от моего отца и Марата, она была не такой категоричной, и уже через некоторое время она сама написала мне. Поначалу наше общение все еще было натянутым, но со временем мы снова сблизились и когда я ей, наконец-то, рассказала про Тимура... я впервые видела чтобы человек одновременно хотел меня придушить и расцеловать.

С тех пор она не раз предлагала мне помощь, но я упорно заверяла ее в том, что прекрасно справляюсь и сама. Я выжила без денег отца, а значит и ее деньги мне не нужны. Но каждый раз когда она прилетает в Москву, Тимур обзаводится очередной дорожкой игрушкой от любимой тети Алены.

– Когда ты его видела? – на удивление мой голос звучит довольно ровно.

– В прошлом году, – задумчиво говорит. – Нет, два года назад. Ольга как раз была беременна. Поэтому о детях и заговорили.

Ольга была сестрой Андрея Крылова, мужа Алены. Хотя, на тот момент, получается, они еще не были женаты. Именно в ее агентство “На крыльях” я планировала перевести всех маркетологов МиКрейта. Ольга к моей идее отнеслась с большим энтузиазмом и пообещала лично помочь им побыстрее влиться в новую среду.

– Они со Скалаевым знакомы, оказывается. Работали вместе над каким-то проектом. У нее тогда живот уже был... оного, – она смешно разводит руками, дабы показать, что Оля была беременна как минимум тройней, хотя я знаю, что малыш у нее один. – В общем, трудно не заметить. Ну он типа ее поздравил, зашла речь о детях. С нами еще Маша Свирглова была, может помнишь? Брат ее на курсе младше нас учился. Она и спросила у Марата есть ли у него дети.

– И он, конечно, сказал, что нет и все ему поверили. Ну а что ему говорить? Да, у меня есть сын, но я его ни разу не видел и вообще, мне наплевать? Разумеется, он на людях ни за что не признается, что в курсе о ребенке.

– Да нет, – задумчиво произносит подруга. – Дело даже не в том, что он сказал, а в том как... Вот честно, Алис... Ты знаешь как я к нему отношусь, но даже мне его голос тогда таким грустным показался, что я реально едва сдержалась чтобы не рассказать ему правду.

Видя мое выражение лица, она тут же начинает махать руками и нечаянно задевает погремушку на коляске. Маша тут же возмущается такому безобразию и Алена вытаскивает ее из коляски.

– Давай я подержу, – предлагаю я и тут же утыкаюсь носом в сладко пахнущую головку. Маруся порывается возмутиться такому вмешательству, но в следующий момент передумывает и запускает свою пятерню в мои волосы. Тянет их на себя, мнет и, кажется, решает взять пару пучков на память о любимой тете. Я перевожу веселый взгляд на Алену, но вместо умиления вижу в ее глазах слезы.

– Эй, ты чего? Все нормально. Я знаю, что ты бы никогда не рассказала Марату.

– Конечно, не рассказала бы. Я это к тому, что если даже я поверила в его искренность, а ты знаешь как я к нему отношусь, то значит он точно не притворялся...

– А ревешь-то чего тогда? – продолжаю допытываться и одновременно пытаюсь забрать свои волосы у малышки.

– Ничего, – плачет эта окситоциновая дурочка. – Просто я так обрадовалась, когда ты взяла Марусю, так устала сегодня, она реально пол ночи не спала. Опять, видимо, зубы режутся... Так у меня утром ее свекровь забрала и я смогла доспать нормально, а в Питере у меня няня есть, да и Андрей мне всегда помогает когда дома... А ты ведь была совсем одна. Как ты все это пережила? Зубы, колики, бессонные ночи.

На этом моменте подруга уже рыдает в голос и на нас начинают оборачиваться мамочки на соседней скамейке.

– Умолкни, болезная, – смеюсь и пытаюсь обнять ее с малышкой на руках. – Ну чего ты опять начинаешь-то? У меня была Саяра... и у меня просто не было другого выбора.

Глава 12

На этот раз Марат звонит сам, видимо, решил что негоже просить помощницу назначать фиктивное свидание с будущей фиктивной женой.

Но что-то мне подсказывает, что реши Скалаев заказать пиццу, и то потратил бы на разговор больше времени.

– В субботу в 19.00 благотворительный вечер в “Плаза”. Заеду в 18.30, будь презентабельна, – сообщает он и отключается.

Я еще с минуту кручу телефон в руке, пытаюсь смириться с мыслью, что уже завтра мне придется входить в роль и изображать “большую и светлую” любовь с Маратом. Это было бы сложно и раньше, но сейчас, зная его отношение к нашему сыну... будет еще сложнее. Я бы даже сказала – невозможно.

Что ж, это его проблемы. Он сам сказал, что на кону его репутация, мне-то, по сути, терять нечего. Мое дело – закрыть МиКрейт и уж я позабочусь, чтобы условия были четко прописаны в его брачном контракте. Я же со своей стороны тоже выполню все пункты, вот только я сомневаюсь, что Марат вынесет в отдельный раздел то, как преданно я должна буду смотреть в его глаза. Тем более, я прекрасно знаю как люди ведут себя на подобных мероприятиях, голливудскими фильмами меня не проведешь. В этом обществе не принято проявлять свои чувства, максимум что муж и жена могут позволить себе на публике – это легкое касание. Так что никаких страстных поцелуев или даже объятий в наш договор не входит. А в остальном – я отыграю свою роль на отлично.

Не знаю что Скалаев имел в виду под “будь презентабельна”, но на всякий случай я выбираю элегантное черное платье на запах. В свое время я побывала на сотне таких мероприятий и прекрасно знаю, что дамы будут блистать лучшими нарядами дорогущих брендов, но в моем нынешнем гардеробе таких вещей не водится, а значит придется Скалаеву краснеть за свою спутницу в дешевом трикотажном платье. Опять-таки, это его проблемы, не мои.

На улице меня встречает душный летний вечер и черный “ягуар”. Марат всегда любил крутые тачки, будучи студентом он купил себе дорогущую “мазерати”, несмотря на то что ни своего жилья, ни брендовых шмоток у него тогда не было. Зато сейчас, если верить все тем же статьям в сети, у него неплохая коллекция столичной недвижимости, да и те костюмы, что были на нем на двух наших встречах утрут нос любому итальянскому моднику.

Я ныряю в прохладу салона и легкие тут же наполняются до боли знакомым запахом. В кабинете Марата все было по-другому: между нами было больше расстояния, само помещение было больше, в приемной была его помощница и куча работников вокруг.

Сейчас же я чувствую себя словно в клетке с диким зверем, поэтому замираю вжавшись в кожаное кресло и даже дышать, кажется, забываю.

Беспощадно глушу в себе любые намёки на чувства. Возможно, не будь того ужасного разговора в его кабинете, мне было бы сложнее. Потому что близость Марата, действительно, вполне способна пробудить во мне былые чувства. Но после его слов о нашем ребёнке... «Моем, – мысленно поправляю себя, – Марат не имеет морального права называть Тимура своим». Впрочем, не то чтобы он горел желанием это делать... После его слов о моем сыне, я просто не имею морального права поддаваться этим призракам прошлого.

Запоздало соображаю, что нужно было взять такси и встретиться уже на месте. Все-таки, нахождение со Скалаевым в закрытом пространстве – не самая лучшая идея и чем дольше я чувствую на себе его изучающе-оценивающий взгляд, тем больше я в этом убеждаюсь.

– Пристегнись, – бросает мне Марат вместо приветствия и плавно трогается с места.

Он переключает свое внимание на дорогу, а я старательно изображаю интерес к видам из окна. Мне еще пол вечера предстоит изображать любовь, не стоит тратить свои актерские способности впустую, когда нас никто не видит.

Вскоре Марат тормозит и я удивленно смотрю по сторонам. Несмотря на то, что я делала вид, что пейзажи за окном меня невероятно интересуют, мыслями я была где-то далеко, поэтому не заметила, что вместо “Плазы” Скалаев привез меня в ЦУМ.

Он спокойно выдерживает мой вопросительный взгляд, протягивает мне банковскую карту и небрежно бросает:

– У тебя есть десять минут, чтобы выбрать что-нибудь презентабельное.

– Если ты думаешь, что я отказалась от денег отца лишь для того, чтобы сейчас с энтузиазмом тратить твои – ты ошибаешься.

Я прекрасно понимаю, что Марат делает это не для того, чтобы порадовать меня как фея-крестная Золушку. В нашем случае он скорее Ричард Гир из “Красотки”, ему тоже нужно, чтобы окружающие поверили в наши чувства и я особо не выделялась на фоне расфуфыренных дам. Но у меня нет ни малейшего желания залезать в шкуру Джулии Робертс. С брендовыми магазинами я распрощалась давно и возвращаться к прошлым привычкам не собираюсь.

– Принцесска, – Марат даже не пытается скрыть раздражение, – сейчас не время включать гордость. Ну сама подумай, кто поверит в то, что ты моя женщина, если ты появишься в этом халате?

– Возможно они просто подумают, что ты жлоб, – выдаю ему лучшую улыбку.

– Тем более, – парирует Скалаев и выбирается из машины. Через секунду дверь с моей стороны открывается и о мой зад резко отрывается от сиденья. – У тебя осталось семь минут.

В магазине две девушки встречают нас натренированными приветливыми улыбками и, если их и смущает моя одежда, виду не подают. Я бегло оглядываю ассортимент, выуживаю изумрудное платье-комбинацию, подхватываю бежевые лаковые “лодочки” и уверенно направляюсь к кассе.

– Одну секунду, – бежит за мной одна из девушек. – У этого бренда нестандартная размерная сетка. Давайте я помогу вам подобрать размер.

– Спасибо, – благодарю протягивая ей платье и обувь, – Я прекрасно знакома с этим брендом и выбрала свой размер.

– Упаковывать не нужно, – командует Скалаев после оплаты покупки и уже мне: – У тебя осталось три минуты.

Мы синхронно направляемся в примерочную, я хватаю платье и демонстративно задерживаю белоснежную штору перед его лицом. Не знаю почему, но чувствую от этого огромное удовлетворение. Уверена, он и не собирался заходить в кабинку со мной, но это сродне “хлопнуть дверью” раз уж по-другому выразить протест мне не суждено.

Облачившись в платье и туфли, я трачу оставшуюся минуту из отведенных мне трех, чтобы покрутиться у зеркала. Провожу рукой по нежной струящейся ткани и невольно вспоминаю времена, когда могла позволить себе купить хоть десять таких платьев за раз. Не забыть бы после торжества вернуть вещи Скалаеву. Уверена, он без труда найдет кому его передарить, а вот мне его подачки абсолютно не нужны. Хотя надо отдать должное, смотрится оно на мне потрясающе.

Изумрудный цвет выгодно подчеркивает мои глаза и я, вдруг, запоздало вспоминаю, что это любимый цвет Марата. По крайней мере, он не раз говорил мне что это его любимый цвет на мне. Не хватало еще, чтобы он подумал, будто я специально выбрала это платье, чтобы угодить ему... Хотя, уверена, за эти годы он успел забыть что там ему нравилось шесть лет назад. Не удивлюсь, если сейчас он у него, наоборот, вызовет стойкую неприязнь.

Поправляю рукой волосы, радуясь, что переодевание не испортило укладку и выхожу из примерочной.

Марат, стоявший ко мне спиной, бросает взгляд на часы и поворачиваясь ко мне, произносит: – Ровно десять минут.

Последнее слово выходит совсем тихо, я скорее прочла его по губам, чем услышала. Он замирает вполоборота ко мне и на секунду мы встречаемся взглядами. На эту секунду мы переносимся даже не на шесть лет назад, а на восемь, когда только познакомились.

Но даже этой секунды мне хватает, чтобы кожа покрылась мурашками, а где-то внизу живота болезненно заныло...

Первым в себя приходит Марат. Разумеется. Он решительно разрывает наш зрительный контакт и больше не оборачиваясь ко мне направляется к выходу.

Не желая выглядеть быть послушной собачкой, поспешно семенящей за хозяином, я нарочно задерживаюсь в огромного зеркала и делаю вид, что поправляю волосы. Подождет, ему полезно. Мне же эта лишняя минута нужна чтобы привести сердце в порядок и в зародыше придушить любые воспоминания о нашем прошлом.

Глава 13

За свою жизнь я побывала на сотне таких благотворительных вечеров и других мероприятий, где собирались исключительные “сливки общества”. Но сегодня я впервые была не дочерью Михаила Крейтора, а безымянной спутницей бизнесмена Марата Скалаева. Хотя даже не знаю, что лучше – если меня, действительно, никто здесь не узнает, или наоборот, признают во мне дочь своего отца и начнут расспрашивать о том куда я пропала на шесть лет... и как оказалась в компании скандально известного Скалаева.

Внутреннему волнению никак не помогает тот факт, что едва мы вошли в холл ресторана, Марат положил руку мне на поясницу. Мне не по себе от его прикосновений или от того, что это прикосновение для него ничего не значит. Для Марата это всего лишь игра на публику. Жар, исходящий от его ладони обжигает настолько, что я всерьез опасаюсь, что еще немного и он прожжет дыру в дорогом платье.

– Не дергайся, – Его голос пропитан раздражением, но руку свою он не убирает. – Мы играем роль влюбленной пары, не забыла?

– Не забыла, – одними губами шепчу я. Сердце неистово бьется от его близости, кожу пронизывают едва уловимые разряды тока, будто тело только сейчас вспоминает каково это – быть рядом с ним. Гашу в зародыше желание его обнять, запустить руку в его волосы, потрогать гладко выбритое лицо... Больше никогда! Это всего лишь игра на публику. А значит нужно четко следовать правилам, иначе велики шансы потерять все. Свое вдребезги разбитое сердце, в первую очередь. – Но в таких нежностях нет нужды. Уверена, окружающим будет достаточно того факта, что мы пришли сюда вместе. Лапать меня нет необходимости.

– Думаешь, мне приятно тебя трогать? – шипит Марат. – После всего, что произошло?

Я открываю рот чтобы нагрубить ему в ответ, но замолкаю. Он прав. Я виновата. Восемь лет назад я собственноручно сломала наши отношения. Но насчёт неприятно... после тех событий он был не против меня трогать, что уж говорить... даже ребёнка мне умудрился сделать, так неприятно ему было.

Но это было тогда, за эти годы я давно успела проработать свою вину и пусть на сеансы психолога так и не нашла ни лишних денег, ни времени, приобрела серию подкастов известного психотерапевта. Я слушала их по дороге на работу, во время уборки и готовки. И когда я дошла до нужной темы, едва не выронила кухонный нож, которым нарезала овощи для салата. Семь лет назад я совершила ошибку. Я ее признала. Но Марату этого было мало.

Вряд ли он сам догадывался тогда, что его действия подходят под определение эмоционального шантажа, вряд ли он, действительно, хотел получить доступ к моему сознанию, но тем не менее, Марат словно действовал по учебнику: он убедил меня в том, что я плохая, что мне нет прощения. А когда человек всей душой верит, что он плохой, он испытывает чувство вины. Постоянно. Круглосуточно. Без остановки. Поэтому, этим человеком легко управлять, манипулировать и заставлять делать даже то, что он не планировал. А потом наслаждаться его страданиями. Уверена, именно это он испытывал, когда на моих глазах развлекался с многочисленными девицами на своих вечеринках.

Но к счастью, я стала взрослее и мудрее. Да, я совершила ошибку и разрушила наши отношения. Но я же сама от этого и пострадала. Долго страдала. Хватит. Я не позволю Марату во второй раз загнать меня во всепоглощающее чувство вины.

Поэтому, так и не удостоив его ответа, я ловко сбрасываю его руку со своей талии и направляюсь вглубь зала.

Буквально кожей чувствую любопытные взгляды. Интересно, они адресованы тому факту, что Марат пришел со спутницей или тому, что я заметно не соответствую остальному

контингенту? Я прекрасно знаю, что местную публику дорогим платьем не обмануть, и дело даже не в том, что моя наспех сделанная укладка далека от работы лучших бьюти-мастеров... скорее, за эти шесть лет я настолько свыклась с мыслью, что уже никогда вновь не стану частью этого “мира”, что сейчас своим поведением, взглядом, даже осанкой транслирую эту информацию окружающим.

– Марат Константинович, – раздается рядом приторно-сладкий голос. – Я так рада, что ты принял мое приглашение!

Поглощенная своими мыслями, я даже не сразу заметила, что Марат последовал за мной и сейчас снова находится опасной близости. Эффектная брюнетка, игнорируя все правила приличия, словно танк оттесняет меня в сторону и стремительно проникает в личное пространство Марата, а меня обдает облаком цветочных духов. Признаться, я успела подумать, что она сейчас бросится ему на шею, но в последний момент она замирает в шаге от него, будто наткнулась на невидимый барьер. Хотя, вполне возможно, что ее остановил его взгляд – дамочка, видимо, застала его врасплох и он не успел нацепить на себя маску приличного бизнесмена.

– Как я мог пропустить такое событие? – он выдавливает из себя улыбку и притягивает меня за руку. Я толкаюсь о его плечо и чувствую как по телу проходит едва заметная вибрация. Слишком близко друг к другу мы стоим. Слишком. – Знакомьтесь, это Алиса. Моя невеста.

Наши с ней челюсти синхронно устремляются куда-то вниз и мы ошарашенно смотрим на Скалаева. Ладно, допустим, для меня его заявление не должно являться шоком, но тем не менее... я не была готова, что он вот так запросто назовет меня своей невестой. О девушке, которую он, кстати, так и не представил, я вообще молчу – судя по ее реакции, она бы с удовольствием заняла мое место.

– Рада, – произносит она, а я лишь спустя пару долгих мгновений понимаю, что это не скупое выражение эмоций, а имя.

– Очень приятно, – выдаю ей свою лучшую улыбку и борюсь с желанием впиться ногтями в ладонь Марата, которой он все еще сжимает мою руку.

Девушка внимательно сканирует мое лицо и на секунду, словно лампочка, на нем загорается узнавание.

– Я вас знаю, – заявляет она.

Ну вот, недолго я пребывала в статусе инкогнито. И хоть я не помню Раду из своей прошлой жизни, удивляться тому, что она меня узнала не стоит. Однако, в следующее мгновение я понимаю, что слегка поспешила с выводами.

– Вы работаете в спортзале, куда я хожу. – Заявляет она с ноткой превосходства в голосе. – Ведете йогу, да?

– Пилатес, – тихо поправляю ее, но она уже не слушает. Рада поворачивается к Марату и игриво восклицает:

– Решил пойти по стопам Мадонны? Завел интрижку с личным тренером?

Скалаев, к счастью, ее веселья не разделяет. Не знаю как бы я отреагировала в противном случае. Одно дело – изображать его невесту и совсем другое, терпеть при этом насмешки.

– Странно, что ты узнала в Алисе только тренера, – холодно чеканит он. – Я думал, что твоя профессиональная деятельность обязывает быть в курсе всех крупных игроков рынка благотворительности. Давай я тебе представлю свою невесту еще раз: Алиса Крейтор. Если не ошибаюсь, ее компания сегодня выступает главным спонсором благотворительного вечера, который, к слову, ты организовала.

В следующее мгновение на ее лице отражается вся гамма непередаваемых эмоций – от раздражения и обиды до неприкрытого изумления.

Скалаев, в отличие от меня, не испытывает наслаждения от ее замешательства и тянет меня в сторону.

Я не тешу себя иллюзиями, что Марат вступился за меня потому что хотел защитить. Прекрасно понимаю, что для него это всего лишь часть игры. Но тем не менее еще какое-то время улыбка не сходит с моего лица. Ровно до того момента как я не встречаюсь взглядом с еще одним человеком из моего прошлого.

Удивление Торопова еще можно понять, вряд ли он ожидал меня здесь увидеть, а вот чему я удивляюсь – непонятно. Даже если бы Марат не сказал, что благотворительная фирма отца сегодня принимает активное участие в этом мероприятии, я бы могла и сама догадаться, что без такого гиганта здесь не обойдется.

И тем не менее, мои руки предательски дрожат, когда я вижу что Лев Игоревич направляется к нам. Я знаю его с детства. Он, наверное, один из немногих людей в окружении отца, которых тот мог назвать другом, поэтому ничего удивительного, что он назначил его управляющим фонда.

– Алиса, детка, – мужчина заключает меня в свои объятия. – Как я рад тебя видеть.

– Я тоже рада вас видеть, Лев Игоревич. – На это раз мне не приходится выдавливать из себя фальшивую улыбку, она вполне искренняя и радушная.

– Как дела? Как поживает Тимур? – интересуется он.

– Вы знаете о Тимуре? – шокировано произношу. Неужели отец поделился с другом этой “страшной тайной”? Или может просто жаловался ему шесть лет назад, что блудная дочь отказалась делать аборт? Хотя нет, Торопов, наверняка, узнал имя моего сына только когда увидел завещание отца. Это более вероятно, чем то, что отец рассказал своему другу о “позоре” семьи.

– Как же не знать, – смеется он. – В ТимКрейт все знают в честь кого мы носим это гордое название. Передай ему, что мы его очень ждем. Лет через пятнадцать, – весело добавляет он.

– Гордое название? – я ошарашенно смотрю на мужчину. – В честь Тимура?

– Ну а в честь кого? – вопрошает он. – Миша прошел по проторенной дорожке. МиКрейт назвал в честь себя, а ТимКрейт в честь внука.

Торопов еще что-то говорит, но я его уже не слушаю, хватаю с подноса проходящего мимо официанта бокал с шампанским, однако едва подношу к губам, к горлу тут же подступает тошнота. Когда-то алкоголь помог мне совершить самую ужасную ошибку в моей жизни, с тех пор я так ни разу к нему и не притронулась. Что за дурацкая привычка разносить шампанское по залу? Неужели нельзя налить гостям минералки?

Но сейчас мне срочно нужно чем-то занять себя, потому что принимать участие в беседе я уже не в состоянии. Поэтому я упрямо держу бокал в руках и делаю вид, что внимательно изучаю завитушки в узоре хрусталя.

Когда я впервые прочитала в прессе о новом детище Михаила Крейтора, я была уверена, что Тим в названии от английского слова “команда”... тогда мне показалось это вполне логичным объяснением и у меня даже мысли не было, что отец мог назвать благотворительный фонд в честь внука. Внука, которого он не хотел. Внука, от которого он заставлял меня избавиться...

Глава 14

Марат

Я, наверное, никогда не привыкну ко всем этим благотворительным вечерам и прочим мероприятиям, коими так дорожит наша элита. Когда моя фирма только вышла, я бы даже сказал, взлетела на рынок, меня постоянно куда-то приглашали. Я как дурак таскался в рестораны или отели, как сегодня, заводил новые знакомства и все ждал, когда же меня примут за своего.

Со мной охотно сотрудничали, заключали контракты, приглашали... но явно давали понять, что “своим” я не стану никогда. Слишком много грязи в моем прошлом. Отец мало того, что занимался нелегальным бизнесом, так еще и попал под следствие. Да и эти идиотские журналистские расследования о происхождении моего состояния постоянно подливали масло в огонь.

Даже прокуратура оставила меня в покое после изучения всех счетов и источников дохода, но журналюги не сдавались до последнего. Да и сейчас, то и дело вылезает какой-нибудь очередной любитель сенсаций и строит увлекательные версии по происхождению моего стартового капитала. Я уже перестал считать кем успел побывать за эти годы: работником, наркобароном, тайным сыном Стива Джобса... Каждая новая версия абсурднее предыдущей.

Честно признаться, я был уверен, что Алиса не будет испытывать подобных неудобств. Раньше она могла часами выбирать наряды для таких мероприятий, а после еще неделю обсуждать кто во что был одет и с кем она общалась. Сейчас же она вцепилась в мою руку так, что на ладони наверняка останутся кровавые полумесяцы ее ногтей.

Я смотрю как она хватается бокал шампанского, морщится от запаха и тут же убирает его от лица. С алкоголем она никогда не дружила, приятно что хотя бы это не изменилось за последние шесть лет. Потому что в остальном... изменилось абсолютно все.

И я честно не знаю к этому относиться. Как относиться к ней.

После разговора с Тороповым она кажется чертовски уязвимой. И это плохой знак. Потому что мне сразу хочется ее утешить и разбиться в лепешку лишь бы на ее лице снова засияла улыбка. Будто не было этих шести лет, предательства и тонны ненависти между нами.

Слишком много произошло за это время. Слишком. Так что нужно быть полным кретином, чтобы подпустить ее слишком близко еще раз. А кем-кем, но кретином я точно не был. Значит надо поменьше смотреть на ее огромные испуганные глаза и тем более на то, как изумрудное платье обтягивает ее тело.

Чтобы отвлечься, хватаю со стола тарталетку и сую в рот под ошарашенный взгляд Алисы.

– Ты...ешь? – спрашивает она.

– Полтора года работы с мозгоправом и я снова могу наслаждаться халявными деликатесами, – усмехаюсь я, пытаюсь придать беззаботность своему голосу.

Алиса единственная была в курсе, что мое нежелание есть на глазах у других людей было не так называемой “фишечкой” как говорили наши одноклассники, а следствием расстройства пищевого поведения. Правда, о причинах не знала даже она. Именитый психолог был первым, кому я рассказал все подробности и кажется, он твердо решил защитить диссертацию по теме моей жизни, иначе как объяснить, что я больше двух лет ходил к нему как на работу?

Но сейчас на ее лице читается вполне искренняя радость и я, кажется, верю ей, когда она произносит:

– Я рада, что ты решил эту проблему.

Ее глаза, вдруг, удивленно округляются и в следующее мгновение я понимаю почему: на мое плечо ложится рука с длинными красными ногтями.

Лица. Черт! Совсем забыл, что она, наверняка, тоже будет здесь.

– Я уж думала, что ты не придешь, – томно вздыхает она. – Ты раньше никогда не опаздывал.

Разворачиваюсь, скидывая руку со своего плеча и кивая в сторону Алисы, выдаю:

– У меня была уважительная причина. Знакомься, Алиса. Моя невеста.

Что ж... второй раз это слово далось мне гораздо легче. Того и гляди, к концу вечера уже перестанет прошибать потом при одной мысли о нашей сделке.

– Невеста? – красные губы растягиваются в удивленную букву О.

Неловко вышло, да. Не то чтобы я ей что-то обещал, но пару таких же благотворительных вечеров в прошлом у нас получили веселое продолжение. В этом же отеле. Правда, в одном из номеров наверху.

Надо отдать Лике должное, она быстро берет себя в руки, улыбается Алисе и даже пытается вывести ту на какой-то разговор. Алиса же со своей ролью справляется гораздо хуже, отвечает невпопад, путается в показаниях, когда собеседница спрашивает ее где мы познакомились и в целом выглядит довольно растерянной. Надо было, что ли, сценарий подготовить...

Остаток вечера проходит более менее гладко, несколько раз Алису узнают и уже часа через два она перестает от этого дергаться. Прогресс.

Но когда я сообщаю ей, что шоу окончено и мы можем двигаться по домам, она вздыхает с облегчением и, кажется, готова бежать по направлению к выходу.

В машине мы преимущественно молчим, от чего напряжение ядовитой змеей просачивается в мой мозг. Я как заведенный анализирую вечер, вспоминаю каждый свой шаг, каждое слово, ее реакцию, взгляды окружающих, систематизирую все наши взаимодействия. Понимаю, что если отключу сейчас встроенный компьютер в голове, то буду думать о другом. А это опасно.

Когда я торможу у ее дома, она покорно ждет чтобы открыл для нее дверь. Что уж говорить, аристократические замашки у нее в крови, и неважно сколько денег в ее кармане.

Я только и успеваю подумать, что вот сейчас она уйдет, так и не сказав ни слова, но вспоминаю о пакете на заднем сиденье.

– Что, снова надев тяжелый люкс, уже не хочешь возвращаться к ивановскому трикотажу? – протягиваю ей пакет с ее платьем и обувью.

– Спасибо, – ядовито заявляет она и вдруг добавляет: – Свой тяжелый люкс можешь оставить себе. Наверняка, среди твоих поклонниц найдутся желающие его надеть.

И с этими словами она стягивает с себя изумрудное платье.

На улице. Во дворе своего дома.

Из освещения в этом районе – луна и фары моей тачки. Еще даже не полночь и ее могут увидеть случайные прохожие или ответственный собачник, решивший выгулять питомца перед сном. Но ее это ни капельки не смущает. Желание доказать мне, что любая роскошь осталась в прошлой жизни пересиливает потенциальное стеснение.

Платье падает к ее ногам и у меня есть всего несколько секунд, чтобы рассмотреть ее до того как она надевает свой скучный наряд больше похожий на халат. Но и этого мне хватает. Хватает, чтобы увидеть, что за эти шесть лет ее тело стало еще сексуальнее. Оно и раньше было идеальными, но годы работы инструктором по пилатесу явно не прошли даром. Бледная кожа буквально мерцает в лунном свете, а в глазах горят искры. Алиса наслаждается моей

реакцией. Упивается тем как жадно я скольжу взглядом по ее плоскому животу и отнюдь не плоской груди.

В следующее мгновение мое дыхание сбивается, но не от того, что упаковано в полупрозрачное кружево бюстгалтера. Хотя и от этого тоже, что уж лукавить. А от того, что я вижу между ее грудей. С тонкой золотой цепочки свисает небольшой кулон. Света от звезд над нами недостаточно чтобы хорошо разглядеть его. Но я знаю. Знаю, что на цепочке висит маленькая балерина на одной ноге.

Глава 15

Утром я впервые за долгое время просыпаюсь не от звона будильника, а от шума на кухне. Но тем не менее, даже страх того, что Тимур решил не дожидаться меня, а сам приготовить свои любимые сырники не может поднять меня с постели. Его прошлая попытка закончилась тем, что мне пришлось отмывать не только рабочую поверхность на кухне, но и верхние шкафчики от того как рьяно он смешивал творог с яйцами. А если учесть, что он совсем не учел нужные пропорции, то в итоге вместо сырников пришлось делать запеканку. Получилось, кстати, довольно вкусно.

И я бы хотела списать свое состояние, как и вчерашний поступок, на действие алкоголя, но шампанское я так и не выпила. А значит идея раздеться посреди улицы посетила меня на абсолютно трезвую голову. Вгрызаюсь зубами в подушку и беззвучно мычу. Не могу поверить, что я вот так вот запросто стянула с себя платье у него на глазах.

Каждый раз когда я думаю, что наши отношения достигли дна и падать, в принципе, больше некуда, оказывается, что под воображаемым дном есть целая бездна и лететь туда мы можем бесконечно.

За последние несколько дней я смогла убедить себя, что мне удалось нарастить толстую броню через которую его слова будут не в силах проникнуть под кожу. С тех самых пор как он признался мне, что все эти годы знал о нашем сыне, с тех пор как он заявил мне, что ему наплевать... мне стало все равно.

Вчера, даже когда изящная когтистая рука легла на его плечо, на моем лице не дрогнул ни один мускул. Меня не интересует с кем Скалаев проводит свои ночи, главное чтобы на мои не претендовал.

Но когда я слышала очередную издевку по поводу тяжелого люкса, что-то в моей голове щелкнуло. Он и до этого не особо скрывал скепсис по поводу моего скромного образа жизни, так что удивляться, по сути нечему. Но видимо, я решила не только словами, но и делом доказать, что ни деньги отца, ни его деньги мне не нужны. Пусть подавится своим платьем и босоножками. Если нам придется еще раз тащиться на какое-нибудь мероприятие, обязательно куплю платье оверсайз, чтобы он мог сам потом носить свой люкс. Уверена, ему пойдет.

Даю себе еще две минуты на то чтобы вытравить события вчерашнего вечера из памяти и плетусь на кухню. Но увидев эту бравую компанию, мне даже не приходится притворяться, губы расплываются в широкой, а главное, искренней улыбке.

Обычно по воскресеньям мы завтракаем в соседней квартире, у меня нет утренних занятий, а значит мы можем позволить себе полноценный семейный завтрак вместо обычного кофе на ходу. Саяра обожает готовить и все годы нашей дружбы я этим безбожно пользуюсь, хотя к своему удивлению, тоже полюбила готовку.

После того как я начала жить одна, у меня едва хватало денег на продукты, поэтому о ресторанной еде, к которой я привыкла, не было и речи. Поначалу я даже страдала без лучшего кофе с халвой из любимой кофейни и без изысканных блюд из редких продуктов. Но затем я открыла для себя кулинарные каналы на ютубе и жизнь заиграла новыми красками. Нет, я конечно, не претендую на пять звезд Мишлена, но официально заявляю, что гаспачо у меня выходит ничуть не хуже чем в любимом ресторане на Патриарших, а салат с уткой так еще лучше.

За столом восседают Тимур с Костасом, макают свежие лепешки в вазочку с клубничным вареньем, которое я сварила на прошлых выходных, а Саяра в это время суетится у плиты.

– Турку твою не нашла, – чмокнув меня в щеку, она кивает на небольшую кастрюльку в которой варит кофе.

– Спасибо большое, – я по очереди целую мальчишек. – Что это у вас тут такое вкусное?

– Баба испекла, – Костас протягивает мне лепешку. – Мы вас ждали, ждали, потом решили сами прийти. Тим тут один играл пока ты спала.

Я невольно улыбаюсь немоу укору в голосе Костаса. Была бы его воля, он бы целый день проводил в компании друга, а еще лучше – поселился бы с ним в одной квартире. Поэтому время, проведенное по одиночке автоматически считается упущенным.

– Алисе тоже нужно отдыхать, – мягко встряет Саяра. – Она так много работает.

– Так пусть Тим с нами поедет, – предлагает друг. – Алиса может тогда спать сколько угодно.

Мы с Саярой одновременно закатываем глаза и улыбаемся. На следующей неделе они улетают в Якутию и почти каждый день Костик предпринимает новую попытку утащить Тимура с собой. Мне кажется, будь он постарше, он бы засунул друга в свой чемодан и был таков. Обычно Саяра терпеливо объясняет внуку, что понимает, что он будет скучать без друга, но тем не менее им все-таки придется расстаться на две недели, тем более, там будут его двоюродные братья и сестричка, однако сегодня она переводит обеспокоенный взгляд на меня и одними губами спрашивает:

– Может, действительно?

– С чего бы это? – шепчу я, пользуясь тем, что мальчишки заняты завтраком.

– Как раз успеешь свои дела порешать.

– Стоило один раз мне задержаться допоздна и ты сразу хочешь забрать у меня ребенка? – смеюсь, хватая со стола ее фирменную лепешку. – Еще в опеку напиши, что у Тимура гуляющая мать.

– Да ну тебя, – Саяра беззлобно шлепает меня полотенцем. – Личная жизнь всем нужна! Я рада, что ты вчера, наконец, выбралась на свидание.

– Господи, – воздеваю глаза к небу. – Я же говорила, что это была деловая встреча, не было у меня свидания! Не было.

– Детка, ты пришла домой в платье наизнанку, – прищурившись говорит она, а я чувствую, как начинаю краснеть.

– Это не то что ты думаешь, – пытаюсь оправдаться, хоть и понимаю, что это не обязательно. Саяра бы и не подумала меня упрекнуть за интим на первом свидании. Но одна мысль о том, что у нас со Скалаевым могло что-то быть... превращает меня снова в невинную студентку, у которой он украл первый поцелуй.

Глава 16

За завтраком Саяра больше не поднимает эту тему, чему я в тайне радуюсь. Пусть лучше думает, что я была на свидании, чем узнает, что я провела вечер с Маратом. За годы нашего знакомства она не раз задавала мне деликатные вопросы об отце Тимура, но я всегда ограничивалась кратким “Он не знал о моей беременности и так будет лучше для всех.”

На это она обычно поджимала губы и хмурилась, так что, уверена, заочно она считала Скалаева врагом народа номер один. Тот еще должен мне спасибо сказать, что я не раскрыла ей его личность, иначе она бы наверняка смастерила куклу вуду с его лицом и измывалась бы над ней в свое удовольствие. Хотя... может, все-таки сказать ей? Немного увечий Скалаеву точно не помешает.

Я прекрасно понимаю, что расспросы соседки вызваны не праздным любопытством. Она за меня переживает как за родную дочь. Уверена, что если бы моя мама была жива, она бы вела себя точно также. Вот только материнскую заботу я помню лишь урывками и сейчас вдвойне ценю отношения с Саярой.

Однако, стоит мальчишкам убежать в гостиную, она снова предлагает:

– Может, хоть на дачу его отпустишь с нами? Дня на три хотя бы?

– Решила провести побольше времени со своим Потапычем перед отъездом? – улыбаюсь я.

– Да ну тебя, – отмахивается она и густо краснеет.

Когда Айсен только купил дачу в подмосковье, Саяра часто ездила туда с мальчиками на выходные. Я тогда работала и по воскресеньям, поэтому приезжала к ним только вечером и утром в понедельник мы все вместе возвращались в город. Там она и познакомилась с дедом Потапычем, как его называли мальчишки. Не знаю чем он заслужил любовь Костаса, но уверена, что сердце моего сына он покорило именно своим именем. Тимур тогда заставлял меня круглосуточно читать ему сказку о трех медведях и своего плюшевого мишку назвал в честь старшего Михайло Потаповича. Он с ним долго не расставался, каждую ночь укладывал на соседнюю подушку и везде таскал за собой. Поначалу мне казалось, что такая любовь обусловлена отсутствием фигуры отца в его жизни и я была уверена, что игрушка – это его способ заменить отсутствующего папу. Корила себя при этом ужасно. Но спустя несколько месяцев мишку сменила пожарная машина, затем погрузчик, а в прошлом месяце в фаворитах, кажется, был вертолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.